

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБО

за здравствуйте маэ!

1926

8

н

"МОЛОДАЯ ГУАРДИЯ"

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Н. Мерскуму (Астрахань).—Без терпения и внутренней выдержки никакой писатель неизвестен. Если же следует, берется за перо, думать о фразеологической корзине, в которой лежат стихи. Человек, пишущий сам, должен и любить и уметь ценить литературу. Что было бы, если бы все написанное, каждым желавшим писать, увидело свет? Писаные из стиха—слабы. Переизданных им и там забудутся, что они никого не склоняли, хотя и не без надежды на будущее.

А Борскому (Люберцы).—Плохо то, что стихотворение «Памяти Есенина» совершенно несамостоятельно, написано оно сплошь подражательно умречему поэту. Вы перерифмовали и в иной связи расселили излюбленные образы Есенина. Это не больше, как отданье чести начинавшим учеником.

В. Ленинскому—Несколько (Сергиевский).—Почти полная грамматических неправильностей, на которых непринадлежит и построены сами строчки, например: «молодежь» потянулась за смешку крестьян; смешку следует устранять, кого-то с кем-то (в данном случае—город и деревни) или итти на смешку с кем-то, т.е. с крестьянами, а просто же смеха крестьян, т.е. их смеха и собственного усмешки другой смысл; также в помимо крестьянских хатах! правдивости не поддаются исправлению.

Ирина Л. (Новокеркасск).—Вам советует прежде всего добиться простоты и свободы от пафоса и громких слов, в роде: «пронзенный синими глазами» («зумзумом отчаяния», «честербритом» и т.д.). Успеха не будет—хата с мицарем. Обидне все указанное создает очень неблагоприятное впечатление.

М. Яромлинскому (Гайсин).—«Первый день в вузе» по изложению лучше ранее присланного, но прими во внимание, что это даже недаконченный этюд и вовсе не рассказ. Там, где ты обзором повествование, как раз должно и могло быть, написано: «я начал писать, но...—точко предварение к какому-то началу». Обращаем внимание на очень длинные фразы—по две страницы. Этого избегай.

Е. Островому (Москва).—Продолжайте следить, не в присланном много прощало; советует связаться с какой-либо литературной организацией (район, литерокружком и т.д.), с кружком при журнале «Советская литература».

К. Агапову (Москва).—Присланное для «Смены» не подходит. **Н. Красному** (Астрахань).—Стихи производят недурное впечатление, продолжать советуем. Нехорошо, что вы присыпаете написание сплошной строчкой,—это затрудняет зрителя воспринимать строение стихов.

Яковлеву (Тамбов).—Тебе, как и многим другим начинающим авторам, нужно учиться, что писать вообще стихи легко; каждый грамотный и сколько-нибудь читавший человек может написать несколько

стихов. Но заставлять все написанное читать тысячам—нет никакой возможности. Пишите стихи для себя лично, например, на пасху и принесите лично в контору редакции, но печатать их не стоит. Стоит ли писать дальше?—Это нужно все же решать самому. Пока особо художественно и общественно интересного в твоих стихах нет.

П. Петехину (Москва).—Стихотворение в общем удовлетворительное, очень страдает использованием рифмы и «девизов» ленинских, введенных перед боевыми книжками, призывающими—побороть неслыханный в истории журнала же они неудовлетворительны по своим художественным качествам.

Н. Кочеткову (Шатурск, разд.).—Передано в журнал «Пионер». **В. Войтеру** (Харьков).—Ваша настроение еще не установилось, образы иногда неясны и не имеют определенного значения. Иногда замыкаете. Работать следует в направлении ясности и простоты.

М. Металлову (Екатеринодар).—Присыбарайте свой адрес и название вашей фамилии и имя. Один из рассказов может быть напечатан.

Н. Григорьеву (Белгород).—В приподнявших стихах много подражательного Есенина; первое—занимствовано и по теме, второе—незаконченный отрывок. Если хочешь серьезно писать, прежде чем пускать, что-то или иная образность, сравнения, эпитеты и пр. занятайся не просто от личного вкуса автора, а от его микросознания. Это особенно, когда ты еще учишься, когда неизбежно подражание Есенину. Не горюй просто за красотой или оригинальностью, а выбирай радостнее тему, твоим настроением и темам.

А. Анилову (Иваново-Вознесенск).—Тебе нужно учиться; написанное тобой свидетельствует о наличии способности, но проявляются они пока неуклюже и неумело. Еще раз—надо учиться. Вот несколько примеров плохих выражений в стихах: «дин скайдыко», «труховая скояка», «издевали свои гневы», «прятали через судьбы преграды», «светили очи», «вздыхали груди», «крыши как слы», — все это признаки плохого владения словом, малого запаса их и пр.

ОТВЕЧЕНЫЕ ЛИЧНЫМИ ПИСЬМАМИ (С. Делашвили (Тбилиси), Н. Шапкин (сел. Аleshino, Томск), Н. Жаркову (Ярославль, губ.), М. Пекарской (Грозный), А. Бунтману (Херсон), М. Каслинскому (Зиноградск), Рябинину (Харьков), К. Артамонову (Владикавказ), И. Ливанову (Симферополь), А. Есипову (Кропивницкий), В. Борзуну (Симферополь), М. Поздолинову (Николаев), С. Гурапашвили (Полоцк), К. Покровскому (ст. Железино), А. Семенову (Ростов и д.), А. Дальскому (Луганск).

НОВЫЕ КНИГИ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ НА ОТЗЫВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗЕМЛЯ
И ФАБРИКА»

А. А. Алтаев—Бунтари. Роман из эпохи декабристского восстания, 1925 г., стр. 237, 2 р. 25 к.

М. Шнилков—Поли. собр. соч. т. III. Странный Кам. стр. 198

2 р. 05 к.

Я. Ч. Шишков—Поли. собр. соч. т. IV.—Коловодный цветок, стр. 220, 2 р. 25 к.

Ф. А. Осипов—Приложение к Зоопарку. Ст. 124, п. 1 р.

А. С. Григорьев—Штурм из «Четырех ветров», стр. 133, п. 85 к.

Луи Буссенар.—Тайна золота, стр. 206, п. 95 к.

Поль Вайяйн.—Кутерьма. В отпуске, повесть, стр. 79, п. 45 к.

Аркадий Голиков—В дни поражений. Повесть, стр. 191, п. 1 р. 25 к.

Н. А. Борисов—Черноморье (роман), стр. 215, п. 1 р. 10 к.

Федор Глазков—Собр. соч. I (Изгой). Повести и драматич. сцены, стр. 139, п. 1 р. 45 к.

Альфонс Петцольд.—Суро-ва жизнь,—из записок рабочего подростка, стр. 198, п. 1 р. 55 к.

БИБЛИОТЕКА САТИРИКИ И ЮМОРА

Леонид Андреев—Оригинальный человек.

Григорий Сиротин—Способные ребята.

С. Григорьев—Колупакова.

В. Дорофеевич—Иванов-Павел.

Р. Киндин—Про кошку, про слова и носорога.

В. Павлов—Оживительные дело.

Е. Гоже—Так себе.

Цена каждого выпуска 13 коп.

ГОСУДАРТВО

Сергей Есенин—Собр. соч. т. III, стр. 323, п. 2 р. 90 к.

Д. Дотолинский—Поли. собр. худож. произв., т. I, стр. 607, п. 3 р. 50 к.

М. Горький—Детство, стр. 193, 90 к.

Е. Гоже—Собр. соч. т. XVII, стр. 213, п. 1 р. 25 к.

Е. Гоже—т. XVIII, стр. 307, п. 1 р. 70 к.

Т. К. Борисов—Калмыкия, стр. 97, п. 60 к.

ПРИСЛАННОЕ ОЧЕНЬ СЛАБО

Рекомендую прежде всего заняться самообразованием:

С. Григорьев (Коломна), Г. Елисеев (С. Уральск), Ю. Нишин (Коломна), А. Колдов (Оренбург), П. Раздольному (Клины), К. Величко (Полтава), И. Хлебников (Москва), Черноморье (адрес неизвестен), П. Иванову (Мерела), П. Цаплю (Ганджа), В. Буренстрик (Павлов-Посад), Бузуль (Москва), Гей-сток (без обозначения адреса), Н. Борисов (Пятигорск), Франция (Уральск), Г. Глаухерт (Бирмингем), А. Быченко (Краснодар), В. Шелченко (ст. Тамань), В. Егорову (Саратов), С. Авдеев (Петропавловск), И. Хлебников (Москва), А. Назарову (п. Серга), С. Цецура (без обозн. адреса), К. Яльцеву (Иркутск), А. Кривоножко (Киев), В. Панайотову (Киев), А. Воробьеву (ст. Нахимов), Н. Трутовский (Краснодар), Н. Смирнов (Минск), В. Ерофеев (Рязанский уезд), П. Шульмайстер (Артемовск), А. Коновалову (Пенза), Н. Смирнову (Иваново-Вознесенск), Г. Антонову (Тбилиси), Н. Щербакову (Ленинград).

НАПЕЧАТАТЬ НЕ СМОЖЕМ:

С. Муромский (ст. Первомай), В. Огнев (Посты), Г. Устинову (Херсон),

Д. Дантонову (Бухара), А. Снежко (Томск), Эраст (ст. Г. Лагодская),

Н. Щербакову (Ленинград).

Р. Романов—Без отклика.

П. Бергстед—Бегство Венеры, стр. 61, п. 10 к.

М. Горский.—Рассказы о беззенной любви, стр. 89, п. 20 к.

С. Гоннер—Наш боевой празник, стр. 24, п. 15 к.

Ф. Геллер—Тысяча вторая ночь, стр. 141, п. 1 р.

Г. Уин—(без соч.)—Лондон.—Собр. соч., стр. 304, п. 1 р. 60 к.

С. Сникер—С. Сникер.—Собр. соч., т. VI-й. Черный Владыка, стр. 426, п. 2 р. 25 к.

Лидин—Великий материк, стр. 176, п. 1 р. 25 к.

Полетаев Ник.—Реакт Свет, стр. 76, п. 60 к.

Венус Георгий—Война и любовь (семядочь месяцесн с дрождями), стр. 227, п. 1 р. 50 к.

Чемоданов Г.—Последние дни старой армии, стр. 136 п. 1 р. 50 к.

Альмундс Руальд—По воздуху, до 889 Северной широты, стр. 274, п. 3 р.

Каган Лиза—Путь к общественной работе (библиотека работников и крестьян), стр. 32, п. 15 к.

Неустроева Г.—Женщина в борьбе за коммунизм (биль. раб. и крестьян), стр. 71, п. 25 к.

Насов С.—Комсомол и легализация крестьянки (биль. раб. и крестьян), стр. 21, п. 10 к.

Федоров В.—Как устроена ВКП (б) и почему она перенесла название (рабоче-крестьянск. биль.), стр. 59, п. 12 к.

Денис Парижской Коммуны в пионерской каубю, под ред. Л. Лишиной, стр. 118, п. 1 р.

История письма Зиновьева в документах, стр. 58, п. 30 к.

Гессен Влад.—Комсомол и юные пионеры, стр. 100, п. 1 р.

Шахвердов и Саркина—Ленин и воспитание народных масс, стр. 102, п. 90 к.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Б. Пильник—Наследники, стр. 62, п. 10 к.

С. Соловьев—Путешествие на реке Тунг, стр. 62, п. 10 к.

Андрей Соболь—Салават, стр. 123, п. 20 к.

Ш. Л. Филипп—Биби с Монпарнаса, стр. 160, п. 30 к.

Т. Бергстед—Бегство Венеры, стр. 61, п. 10 к.

М. Горский.—Рассказы о беззенной любви, стр. 89, п. 20 к.

С. Авдеев (Петропавловск), И. Хлебников (Москва), А. Назарову (п. Серга), С. Цецура (без обозн. адреса), К. Яльцеву (Иркутск), А. Кривоножко (Киев), В. Панайотову (Киев), А. Воробьеву (ст. Нахимов), Н. Трутовский (Краснодар), В. Ерофеев (Рязанский уезд), П. Шульмайстер (Артемовск), А. Коновалову (Пенза), Н. Смирнову (Иваново-Вознесенск), Г. Антонову (Тбилиси), Н. Щербакову (Ленинград).

Ильинская—Без отклика.

С. Муромский (ст. Первомай), В. Огнев (Посты), Г. Устинову (Херсон), Д. Дантонову (Бухара), А. Снежко (Томск), Эраст (ст. Г. Лагодская), Н. Щербакову (Ленинград).

СОДЕРЖАНИЕ:

- К. Шильдкерт**—Забастовка. **А. Хидаш**—Будапештский марш (стих.). **Н. Дементьев**—Гроза и поезд (стих.). **Д. Петровский**—Баллада о Клерисской тюрьме (стих.). **Н. Богданов**—Комсомольская пасха. **М. Светлов**—Май (стих.). **Н. Альев**—Оборотень. **Б. Владимиrow**—Книгах. **Б. Клебенкин**—Куда ехать летом?—Военно-Грузинская дорога. **Н. Плавильщик**—Жгучие ласки. **А. Левин**—От зерна до каравая. **Б. Громов**—Летние экскурсии. **Р. Романов**—Первомай (Подзимники).
- Иллюстрации: **В. Боранова**, **М. Храпловского**, **П. Староносова**, **В. Сутеева**, **В. Гусева**.
- Снимки: **Wide World Photo**, **Г. Гильчэндорф** и др.
- Обложка работы **В. Добролюбского**.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, утка Черкасского перекрестка, д. № 6/7. Тел. 1-89-18

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

8

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ "МОЛОДАЯ Гвардия"

Праздник всех стран, соединяйтесь!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД

На 1 год — 24 ном.	5 руб. 10 коп.
6 мес. — 12 ном.	20
3 мес. — 6 ном.	15
1 мес. — 3 ном.	5
Отдельный №	25

Подписку принимает Отдел Периодических Изданий Из-за "Молодая Гвардия".
Москва, Новая площадь, д. № 6/7.

1926 г.

АПРЕЛЬ

ЗАБАСТОВКА

К. ШИЛЬДКРЕТ,
иллюстрации В. ЕФАНОВА

ГЛАВА I

...К ОГДА табельщик со списком в руках, вышел на улицу, Адик шагнул деловито вперед, напряженно вытянув шею. Кто-то грубо толкнул его. Отступил. Сразу стало не по себе.

Томительно медленно называли фамилии, список заметно исчернялся, — и уже не верилось, что очередь добьется до него. Столп, покурясь, пот крупульными капельками выступал из висков, вдруг сжался, уткнувшись отчаянно, бессмыслицей уставившись в табельщика.

— Вы как называли? Какую фамилию?

И уже во дворе, у конторы, не выдержал, скривил умоляюще:

— А я... это... я?

И, не дождавшись ответа, испуганно отступил.

Его выпустили с завода после докторского осмотра приказали явиться утром в кузенческую.

Гордо шел он окраиной, все внутри ликовало, хотелось бежать, кричать о своей свободе, но раздалась стрекотливая птичка, заложила глаза, сдернулась через силу. И, когда его встретил отец, остановился, досадил кистей, долго свертал козырь ножку. Пальцы пригнули нервно, просыпалась махорка. Старик Краев долగа дергал середок клинышком бороды, отводя взгляда от сына.

Не вышло? — упавшим голосом выдавил, зачем то суетливо похлопкал себя по карманам как будто что-то искал.

Взял отца за руку, быстро пошел с ним, сочно затягиваясь крепким махорковым дымом, молчал. И — ужас! — поднял голову, подвальном, обнял татуированную хрупкую юбку у Николая.

Вышиб. Еще как вышиб, старый.

Сели в дальнем углу, на стопочки зровь, в подуставье. Адик выкладывал все по порядку, вспоминал, сбиваясь, снова все пересказывал. Старик снял очки, слезящимися глазами важно

БУДАПЕШТСКИЙ МАРШ.

Анатолий Хидаш¹⁾
перевод Р. Г.

Рабочий, страдаешь ты день изо дня.
Но снова ты вспомнишь о своем звении.
И будапештской теперь час гнетет,
Но красная буря бандитов сметет.
Народ для победы поднимется вновь.

И будет он грозен как пламя и вязь.
Восстаний не знает пощады в бою.

Оружьем добудем свободу свою.

Ты хлеб добываем в страданиях, брат,
Но этого мало тому, кто богат.

Гуздят наковальни и молоты бьют.
Нам голод награда из мук и труд.

Буркну — не прынкай беспокойся, сестра,
Покуда ты нужен, он терпит тебя.

Восстаний не знает пощады в бою,
Оружьем добудем свободу свою.

Опять офицеры готовят войну
И снова бургаки тергают страну,

И лозунги «за родину» всюду гремят,
Но лозунгом этим не будешь ты сыр.

Пусть только пошлют они первый отряд,
Пусть только для боя его снаряжают.

Восстаний не знает пощады в бою,
Оружьем добудем свободу свою.

Врагу приготовил расплату народ,
Голодное утро восстание кует.

Раскат сурьяного близится час
И горен он будет, фашисты, для вас.

Зарею барабанной восток заблестел,
Товарищи, винтовку бери на прицел.

Восстаний не знает пощады в бою,
Оружьем добудем свободу свою.

¹⁾ Анатолий Хидаш — венгерский революционный поэт. Его песни широко распространены среди артистов, венгерских и германских рабочих.

Хидаш — коммунист. Его первая книга написана в 1923 г. («В стране белого террора»). она вскрывает настроения угнетенного рабочего класса Венгрии.

уставился в расщелины побуревшего потолка, вскакивал неожиданно, долго дрябленько ходил, пока не начинял душить его кашель. Тогда он махал руками, садился в изнеможении, ожесточенно плеваясь, стучал ладонью по рту, перекидывал.

Бориссона ныла со стеклами домой — у порога дрожали злые голоса; пританцовала, слушала долго, поклялась — бросилась к старнице.

Адик встал, загородил дорогу, пропустил отца в комнату, за них вошел сам. Бориссона стала перед сыном, рот скривила в усмешку. Николай прятал голову за спину Адика, деревянно притирал полами пиджака стекла очков, виновато кряхтел.

— На заводе?

Взгляднул спокойно на мать, кинул утвердительно.

— А отца...

Не успела она броскаться к дочери в каморку, долго сучили ее мужские тяжелые сапоги, скрипели прогнившие половицы.

Неожиданно высокочила, брызгала слюною мужу в лицо, расстремливала волосы сбившейся на лоб злой свирепки глаза из-за седой сбившейся прядки.

— А оттуда... в острог... на погибель...

Уже не кричала, глухо отрывала слова:

— Душегуб! Сына отич! Душегуб!

Адик положил на плечо матери руку, мягко коснулся ее уха губами.

— Да разве кто-нибудь может отнять сына у матери?

И неожиданно зло:

— Писты-ка посыпают!

Разжалась рука, бессильно упала, задрожал подбородок, любовно взглянула на Адика.

Николай умиленно вздохнул подвинул к жене табурет.

Пришла дочь, старуха первая сообщила полуслухом, примерно-печально.

У нас Катенька, новости: — Адик... на за-

воде... в кузнецкую определился.

Звала тихо:

— Адик...

Андрюша...!

ГРОЗА И ПОЕЗД

Едем. Тронулись. Гудок.
За окном платформы
Перелет да перескок
Да по шпалам черным.

Шире разделись поля
Перед паровозом
Тополя да тополя,
Ели да березы.

Искезал из глаз вокзал,
Улетал как-будто.
«Приближается гроза»—
Мне сказал кондуктор.

Я к холодному стеклу
Приняла взором.
Вижу—в западе, в углу
Туча спит над бором.

Поезд свистит. К дому дом,
К полустанку полустанок
Приподняты за окном
Рассыпаются в туманы.

То ли ветер, то ли дым
По траве и по полям,
Заметает нам следы,
Только вихрь песчаный.

А на западе с угла,
Увидав добчу,
Поползла седая мгла
К нам походкой бычьей.

Продвигается, хранит
Огненный подзрев,
Притворяется, что спит,
Машет головово.

Нагоняет, нагнала,
Влажным дыхом дышит,
Бьет водой на стекла,
Падает на крышу.

Растопочь и расстопать
Шпалы, рельсы хочет
Машет громом и, как тать,
Свищет, что есть мочи.

Но ни погрем угроз,
Ни разбийный свистом
Не удариши, паровоз,
Песни машиниста.

Песня машиниста
Мы видели иногда
Не такие визен,
Проходили поезда
Перед батареей.

Путеметный знал дождь
И не обернулся,
До сих пор в одной из кок
Паровоза — пули.

Что там ветер да туман,
Что там синт да вихорь?
По разломанным мостам
Проезжают лихи.

Пересекли всю страну
Тысячные версты.
Провозили не одну
Сотню красноармейцев.

Нам ли убраться гроз?
Ветер, успокой!
Ой беги, мой паровоз,
Ничего не бойся.

Николай Дементьев.

Ухнуло, где-то далеко притянулось настороженно. И, вдруг, новый залп, крики и свист. Не поняли, бросились смытено по сторонам, есаул зашатался на лошади, скатился за грудь.

— Подиога, товарищ! Адмиралтейцы!

Жандармский полковник щепнул что-то гравоначальнику. Повернули, за ними, верхом на коне, полицмейстер,— помчались. Есаул смыслил подхорунжий, высоконого наперед, гиснул, вскасал с сотней в толпу.

Рабочие отступили. С ружьями на перевес их перевхватили солдаты.

В штыки!

Крики, визг нагаек, пальба, не прекращались до вечера.

• • •

РАНЕНЫХ и убитых сваливали в телеги, созидали в участки,— женщины бегали за телегами, их разгоняли.

Борисовна с Катей не выходили на улицу, сидели в каморке,— стеклянющими глазами висела старуха в оконце, жада.

— Тише, кажется кто-то идет...

Девушка вздрогнула, голос матери болезненно отдавался в ушах, подносила руки к губам, из всех сил дула на них — пальцы не мели и ныли.

Кажется, кто-то идет...

Николай и Андрей не возвращались.

БАЛЛАДА О КЛЕРВОСКОЙ ТЮРЬМЕ

Дышит смертью в лицо, тишиною такой
Окружает замолкшую ночь.
Будто видела всех палачу беглецов...
И застенок замолк под замком.

Рвется песня сквозь камень—
Глухам—глухам,
Но не слышите песню, ткачи?..
— Слышим, слышим. Расскажем тревогу другим,
И под песней наду палачам,

Замолкал испытанный песня, —идут
Коридоры бессмертных шаги:
Он бессмерт, как самый отважный редут,
Тот, чью славу споют и враги.

Это—Первого Мая Великий Канун.
И! Не спится в ту ночь палачам.
О в глаза казематов глаза окунув,

На утро второго дня Борисовна пришла в себя, засуетилась.

— Идем!.. Сашинчи... идем!..

Шли от участка к участку, останавливали полицейских на улице, старуха кланялась пизак, рабко спрашивала о муже и сине —не отвечали, оглядывали подозрительно девушку.

Перед Симоновской церковью долго молилась без слов, одиннадцать глазами; жутко вились глаза в икону, искали защиты.

Поднялась строгая, темная, больно скжала Катину руку.

— Что ж ты молчишь?

Падали силы, сердце глубоко бороздила тоска.

— Адик!. Ах, адро-ши!..

Звала тихо, горлов перехваченным, сдавило горло невыносимо, не могла вздохнуть в себю воздуху.

— Ах... адро-ши...!

Захлебнулась слезами.

Обступили люди, долго не могла успокоиться, не понимала, как попала на улицу. Кто-то со-
чувственно наклонился к старухе.

— Ах, матушка, в мертвящую заглы-
нула.

Сразу стекнулась, испуганно перекрестьялась, попала. Катя едва поспешила за ней, упрямая вернувшись домой,—не слушала, торопливо шагала, нервно дергалась голова, мертво спи-
нувшись губы. В полуизраке бродила по моргу,

осторожно наклоняясь к убитым, заглядывала в лица. Убитые лежали в три долгих ряда на полу. У двери краузея городовой.

Веселый, веселый, в глазах загоралась надежда — Катенька!

И едва слышно:

— Правда, ведь, нету?

Катя неестественно ульбалась, подталкивала мат не заметно к двери, остановившейся когда не мог оторваться от залившего черной кровью лица, от клиники бороды, такого родного, такого близкого, такого неизбываемого.

— Нет, мама, нету,— а внутри замер вопрос:

«Почему стекло от очков так врезалось в глаза? Надо вынуть...»

— Катенька, что ты? Катенька, что ты?

Взгляд тянулся к углу, к дальному краю, седенький клиншки бороды расстрелялся, так смешно выпал в квадру. Так смешно... седенький, родной, седенький клиншки.

— Катень...?

Не досказала. Потянулась взглядом за дверью, крикнула дико, бросилась в угол, упала без чувств на труп Николая.

В АДМИРАЛТЕЙСКОМ участке, в холодной, связанный по рукам и ногам, лежал сын Николая, —Андрей.

Замолчавший не верят вещам.
Видно, кажется им в эту ночь сгоряча,
Что запаниха со стен кандалы
Карманы-оль!, что мир весь в бреду закричал:
— По углам пакуют раздачи...

И беснуются двери у камер, гремят:
— Выходи! Выходи! Выходи!
Этих трех во дворе без суда расстрелять,
А за тем пускай подземелье следит.
Залпы в запахах слова...
В барабан блют годы...

Мрак ночной начинает на кровь ниспадать...
Так проходят шаги сотен лет, — сотни лет,
И под о них в каждом столетии поэт.
Мрак...
Мрак, как мать, наклоняется к трупам калек;
Инвалиды великой войны.

Поднимали кулак свой на каторжный век.
Оба иска теперь счетыны.

Будет... Мрак припадает, как мать.
Будет... День разбежкался... летит:
Это движется детят человеческих Май,
Это песни куды золоты.

Первый шаг!—Бейте в тюрьму.—Не смей-

Из забот это первая!—тут
От железа и стены и камни знают,—
Птицы мрут от тоски налету.

Бейте, бейте в нее:
Кизнь замучена тут,
Коридоры бессмертны
Про смерти поют.

Дм. Петровский

КОМСОМОЛЬСКАЯ

Н. БОГДАНОВ.

НЫНЕШНЯЯ ПАСХА обещала быть особенной; с самого начала случилось чудо — уком за две недели раньше приспал инструкции о проведении...

Ну, так мы обрадовались, так сбрасывались, что даже прочитали их с одной стороны прозрачного листка и даже с другого, с которой не разберешь... пытались прочесть.

Ну, ладно, там наверно меньше половины осталось, а если бы укомовские инструкции исполнялись, хотя бы наполовину!

Мы с этой половиной едва справились, прям едва-едва могли, — чуть тепленькие остались.

Как и почему, я расскажу по порядку. Первые строки инструкции гласили:

«Пасху нужно проводить не с кондакча, а готовясь к ней заранее, вырабатывая программу действий...

Мы так и сделали.

Первым же делом трое из нас — Ванек, Санек и Пронек, выделившись от ячейки в церковную комиссию и повели там свою работу.

Церковная комиссия состояла из дьякона, регента и одного любителя из мужиков. Задача комиссии — тоже проведение пасхи, только своей, религиозной.

Ну, как обрадовались дьякон и регент и любитель от мужиков, видя у себя комсомольцев! Они навалили на них всю наготу.

Более опытные по организационной работе комсомольцы собрали на украшение церкви и на ракеты в десять раз больше, чем эта простоволосая комиссия, и батя и церковный совет выразили им свое удивление.

Улыбнулись смиренные новые праведники, потупили взоры.

— То ли еще будет, это цветочки... скромно сказали они и уперли в ячейку все ракеты...

Гвоздь пасхи — заутреня, а в этом гвозде самая ответственная точка крестного хода.

Вот здесь мы и решили дать бой религиозному дурману.

Я не скажу, что наши мужики любили бога и сблюдали поповские заповеди, этого нет, но вот пасхальную службу и заутреню обожали.

Шутка сказать, — говей весь пост на редкость да на квасу, слепая в мокрых лаптях, а кругом, как слепые щенки, насыпались в болота хатенки, — серь, скучна и тоска — тоска.

А пасхальная ночь — особенная. Перед разговлением душа у всех начинает радоваться, а как церкви засияют, колокола ударят, заметаются ракеты, — так дико вибрируют мужиками. И тут же хор запоет — «Христос — воскресе»...

Конечно, мужик умиляется всему этой пышностью и торжеством, — где-ж он лучше видит!

Правильно учли попы.

ПАСХА

Рисунки
М. ХРАПКОВСКОГО

Ночи черные, без луны и звезд, а кругом шум, широк, чи-то непонятные говоры, вслеск воды, звонкий треск льда.

Одна из этих ночей пасхальная.

Я сидел на куполе, об'ятый какой-то жутью. Подо мной бился ступидный колокол, удары разрывали тьму и ухали, как проваливались кудато в черные поля.

Колокольня качалась.

— Васько, — кричу я соседу, сияющему на другом куполе, — как ты, сидишь?

— Сижу, — отвечает Васька.

Нас с ним связывает качающаяся разноцветная гирлянда фонарей.

Надо мной на крестике тоже фонари, я их и вешал туда, и чуть-чуть не упал.

Колокол бьется все сильней, и колокольня раскачивается так, что пугливые фонари готовы спрыгнуть. Я сижу. А внизу хлипко чахнет грязь под ногами — народ валит к заутрене, рассыпавшись звездами, по полу, migают самодельные фонарики, отсвечивающие разноцветно в лужах.

...потом Васька ракету —
вверх, я — вниз и мечу
в попа и хор...

А мы решили им в
этом месте нагадить.
Мы тоже учли.

* * *

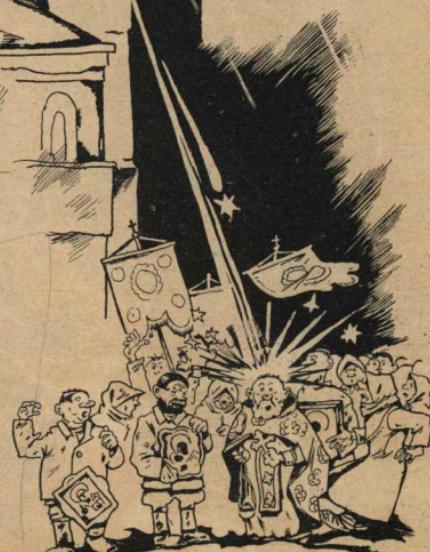
На заре звонко кричат высокие невидимые гуси, пролетая на север. Над каждой проталиной разливается жаворонок, а каждый ручей поет своим особым звоном.

Это весна.

Наш огромный пруд взгребатил ледяные горы, и кто-то живой, огромный бьется под льдом, выметывая в трещины саженными фонтанами.

На покривневший пашне блестящие синие грачи высыпают пробивающиеся трубочки зелени. Они — сочные, вкусные.

Это весна.

...дядя Ипат
былом налетел
на пегазных,
ухватил за скобу гармонь и
стал её распра-
ротиться на-
право и налево...

Вэн идет карапуз Гаранька; сам с фонарь, и лицо его так внимательно наклонено—боится, как бы ветер не задул.

А фон фонарик освещает черную чесаную бороду: это—Ипат, грудь то широченная в суконной шубе. У Ипата изба без дверя, телега без лошади, а суконную шубу к пасхе бережет...

Хорошо сидеть наверху, tegen немного жутко,—как живая ходят колокольня...

Чтобы не бояться, я все разглядываю идуших...

Много идут, и все поглядывают на украшения, и все как подпрежнему.

Но чуток они комсомольской подготовки...

Я как-будто забылся, но в руках две проволоки и я вспомнил свое назначение: дерг-дерг и готово—мрак.

Скоро колокол обвился и затих.

Началась звончина, растревоженная звоном, долго не успокаивалась.

К середине звончина я услышал шум у нашего клуба. Гремела железная крыша, перекрикивались ребята, гудела большая толпа, пиликали гармонисты...

Дело налаживают.

В инструкции укома про это сказано: «для отвлечения внимания от церкви устраивать интересные демонстрации и карнавалы, привлекая молодежь и гармонистов»...

Мое дело спокойное, я себе посиживаю...

Колокол вдруг колыхнулся и ударил; запели, — скоро крестный ход...

Васыка от нетерпения закурил.

— Холодно, Вася.

— Ничего!

На пруду поднялся треск и скрежет, что-то ухнуло, потрясая воздуху, и пошел большой, все увеличивающийся шум.

— Лед ломает,—сказал мне Васыка, когда закричали, спущнутые льдинами, гуси...

Колокол всколыхнулся, опять крепко ударили, и ушибленный воздух далеко застонал. Церковные двери распахнулись,

на плещивую землю брызнул колыхающий свет сотен свечей, высоко взметнулось стройное пение, засеребрились хоругви, — крестный ход тронулся.

Торопясь, я подложил сигнальную ракету. Она взорвалась и змейкой пошла буря в черное небо. В то же время Васыка дернул проволоку, и фонари дождем посыпались с его купола вниз.

Я дернул две своих — грехнулась главная гирлянда и завертелась с крестика пугливые фонарики.

Все потонуло в черноте весенней ночи, как будто вместо церкви чернеет гроб.

Заметались, задрожали копечные свечки и погасли от неожиданности большие, которые не притягнули. Удивление народа не успело пройти, как у нашего клуба, рядом, с треском полыхнули яркие смоляные факелы, запыхтели римские свечи, игриво залипли ракетки. И убранный под дико-вийный корабль клуб засветился огнями.

У бати задрожали ноги кадило, следом несколько неверных зигзагов, замерло...

Пение хора смешалось...

А у клуба лихо рванула песня и забесновались гармонии.

Сергиевна, Сергиевна..., Комсомольцы Комитетрина Ува, ува, ува, ва...

И их ты.—

зазвалась хоровод вокруг горящей бочки, а кругом заявлялись ракеты... и плясали нелепые тени... Часть народа из задних рядов побежала на место чудесного действия.

Тут полнил дрожанием голосом вывел:

— Христос воскрес из мертвых...

Хор оправился от потрясения и слабо, как после обморока, потянулся:

— Смерти смерти поправ...

И тронулись, пошли черти!

Там у клуба свист, гам, а они все излиют в полнейшем мраке, и которые стащили через могильные плиты кувыркаются, а все идут.

Мигают жалкие свечки и освещают мужчинок, бредущих чернее тучи.

... другой его глаз был

Но идут, идут дьяволы—вот барабан! Тогда я пустил вторую сигнальную ракету.

План был выработан заранее.

От клуба тронулся веселый карнавал С купола мне все видно.

Освещенные огнями, кацаются впереда громадные чучела попов и богов, разлеванные до страсти, передними распахиваясь, бегут ряженые, гармонисты заливаются.

Подошел карнавал вплотную, завернулся и пошел своим ходом вокруг церкви, только насупротив поповского.

Как поровнялись—как рявкнули, как ударили в худые ведра, в доски, в железные листы...

Зашел поповский хор—как будто проглотили. Но идут, все идут, одурманенные религии; до дверей дошли—во второй раз пошли. Тогда остались последние средства, и ударили я третью сигнальную ракету.

И тут-то начались.

Я ракету—вверх, Васыка вниз.

Потом Васыка—вверх, я—вниз и мечу в попа и в хор; с боков подмогают подсобные, а ребяташки хлещут из ключей, из самодельных трубок... Охотник Гришикъ бы, поворх толпы, хотя издрובника.

Шараздунился поповский крестный ход, повалил народ через могильные плиты.

Я ударил ракетой попу в маковку и потерял его из виду; все свечи погасли и наступил полный мрак.

Полный мрак у церкви наряду с пышностью нашего карнавала, —такмы и хотели. Но не успел я зализоваться, как раздался зверски ужасный рев—я чуть не свалился с купола...

...Карнавал вдруг заколебался, дрогнул, чудела поваливались на землю, а факелы словно сами стали вырываться и биться по головам активных комсомольцев.

Я сам видел, как дядя Ипат в суконной шубе с прожженной спиной (он него не метил, это Васыка) съехал налетел на передних, ухватил за скобу гармонь, сбил гармониста Ликанью и стал ей распоряжаться направо и налево.

Свалился несколько человек, гармонь разодрали; он стал быть одной доской, в которой механизм.

Как действовали другие, я не заметил, только карнавал пропал, и вот уж клуб подвергся той же участи:

Зазвенели стекла, посыпались, гремя по железной крыше, фонари и украшения.

Долго беспокоилась одурманенная религией толпа; в темноте с ней нельзя было справиться и несколько выстрелов не попали в цель.

До самого конца глядели мы с Васей на эту расправу.

Всё кончилось.

На месте карнавала кое-где тлели, догорали фонари и чучела.

На наше счастье, увлекшаяся толпа про нас забыла.

Вздыхая, мы слезли с Васей и далеко задами обeszли клуб, молча уцепившись за руки.

Село было мрачне и злое, хотя в окнах горели огни; мы заглянули.

— Разговариваются, словочки?

— «Кто поработает — тот поест», — вспомнил я опять.

Мы подошли к пруду.

Он чернел, надувшийся вскипевшей водой, и лыдины бешено неслись к бучили, перли на каменные быки, крушились со звоном и ныряли в жерло самого бучила.

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Время итти не устанет;
Все, что цветло, уяннет,
Все, что гниет, неслышно.
Вырастет зеленью пышной.

Только одно я знаю:
Песню о «Первом Мая»
В стройных рядах молодежи
Время склонить не сможет.

Песня, песня громче...
Если один закончит,
Песню другой подхватит...
Песня гуди набат...

Этот мотив первые
Дали нам дни боевые,

Время миры разрушит.
Время мотив не потушит.
Пой же, товарищ, пой же!
Песня осталась такой же,
Юность — всегда живая,
Песня — всегда боевая.
Зимы над головами естало,
Песни на знамя упала.
Песни — родина.
Песня о «Первом Мая».

Голос поднялся высоко—
Песня стремится к востоку,
На языке непонятно;
Песня несется обратно.

Мы за работой тяжелой
Делимся песней веселой,
В битвах громых к спаидам
Веселые с песенным ладом...
Время итти не устанет,
Все, что цветло, уяннет,
Все, что гниет, неслышно.
Вырастет зеленью пышной.

Только одно я знаю:
Песню о «Первом Мая»
В стройных рядах молодежи
Время склонить не сможет.

— М. Светлов

Все плотина дрожала.

— Вот, — сказал Вася, — как этот поток, так же наш народ прорвет и снесет к юту лединой гнет религии, а мы будем быками, об которые разобьется лед.

Я промолчал, я гадал на пальцах — жив секретарь ячейки или нет?

* * *

УТРО БЫЛО серое, облака тяжело и низко повисли, закрывая небо. Соскучилось лизетели гуси и слышен был тяжелый мах крыльев.

Я помялся-помялся у своего крыльца, топча свежую солому и, наконец, пошел в клуб.

Внутри все было цело, остатки разрушенного начисто подобрали ребячишками, и только окна, выбитые совсем с рамами, выглядели некрасиво.

Ячейка собралась в половинном составе, как обыкновенно, но другая половина на этот раз не заленилась, а речь после вчерашнего невольно отлевивалась.

Оказалось не так страшно, — никого до смерти не забили. Пришедшие выглядели добро. Пронек лихо сверкал одним глазом и призывал продолжать борьбу.

Другой его глаз был закрыт шинкой с кулаком.

Санек, гнусавая в раздутый и синий, как чернильница, нос, говорил:

— Выполним программу... не трусь!

Ванек, придерживая свороченный подбородок, хотел что-то сказать, но лишь мотнул головой.

Секретарь наш, Лукаха, скомандовал:

— На улицу—вседе, где молодежь, и быть зачинателями игр..., как по инструкции.

Мы вывалились толпой и разбрелись в разные стороны.

В бывшем барском саду играла гармонь и завивались качели. Санек, Ванек и Пронек отправились туда.

На ясном лугу, у самого пруда, девки катали яйца и что-то распевали. Я и Вася пошли к ним, а секретарь наш, Лукаха, уселился с мужиками на бревнах.

Утро неожиданно изменилось солнце глянуло ярко и разбежались облака желтыми уятами в самые окраины неба.

Девки на ясном лугу засияли всеми цветами.

Мы подошли, не теряя комсомольского вида, заломив картозы и в красных рубахах.

Тут была масса ребят, — катали крашеники.

— Эх вы, — сказал с места в карьер Вася, — разве это дело! Нет ли игры похлеще?

— На лыдинах кататься, — сразу добавил я.

— Эна, вон как бушует, — сказали озадаченные ребята.

Пруд был в самой игре.

Здоровенные лыдины кружились хороводом по полно-водью и, попадая в бурило, разлетались с шумом и звоном.

— Ничего, пошла за мной, — взял инициативу Вася и, выломав у дьяконова забора кол, музкенно пошел.

Вся молодежь повалила за нами.

— Устроим представление, — шепнул мне Вася.

Я немнога трусил воды, но вскочил все-таки на лыдину,

подвернувшуюся под берег; она всколыхнулась и пошла.

А Вася уж помчался, работая багром по кругу. «Главное — не попасть в бурило», — сообразил я и стал работать до поту...

Проклятая лыдина так и перла туда, и когда, дав круг, я подъезжал снова к бурилу, меня начинала пробирать лихорадка...

Народу собиралось все больше.

А Вася входит в азарт:

— Гони на середку, на меня!

— Зачем?

— Морское сражение!

Выдумал чорт: разгонять лыдины и налетать друг на друга — ктошибет. Трусить нельзя. Народу — тьма.

Разогнал я — трах! — лопнула Васькина лыдина.

Возликовал народ моей победе.

А Вася не потоп, — прыг на мою лыдину, а моя лыдина — то — хрюп пополам, и досталась Вася пологони поменьше, а мне — побольше.

Стонет Вася, раскорячив ноги, а она под ним систематически погружается.

Моя же отходит все дальше.

Хотел Вася прыгнуть, только ногу поднял, лыдина его раз, и вывернулась.

Погрузился мой боец по самое дончики картуза. Дальше не идет — дно не позволяет.

Выпрыгнул Вася до плеч; «тону!» и и тут же погрузился до картуза.

— Дай кол! Опять выпрыгнул и опять погруз — как черт в бутылке.

А у меня багор сломался и несет меня к бурилу.

Прыгай так-то, — кричу я, — понемногу до берега допрыгаешь.

Понял, что-ли, меня Вася — стал прыгать. Выскочит — вздохнет, шаг сделает — опять выскочит, глотнет воздуха и опять под воду, как водолаз.

Народ ржет, и особо смешливые по берегу животами катаются.

Ну и что-ж, кое-как допрыгал Вася, и я не погиб в буриле: образовался там затвор, я по нему бегом, до берега — доскакал — сиганул, да ошился — выше колено влетел.

Ну, ничего, лег на спину, поднял ноги, вода из сапог выбежала, а вот Вася всю трудоспособность потерял и даже дара слова лишился.

Хотел Вася прыгнуть, только ногу поднял, лыдина его — раз — вывернулась...

Отвел я его домой.

И выпил опять.

На ясном лугу девки, поймав дыквицу, возвращавшуюся домой с карманами полными яиц, катали его шутки ради потехи.

Лякан матерился — проказники склонялись.

Я туда не пошел — меня привлекло другое: у самых бревен, окруженный тьмой, сидел прямо в грязи Lukаха в обятиях сразу трех мужиков и дяди Ипат в той скучной шубе, с прожженной теперью спиной.

Lukаха драл на себе рубаху и орал:

— Жить за вас отдаю, любезны маски!

Скоро он совсем оголялся до пояса и стал прикладываться в грязь, как делают физкультуру.

— Lukаха, — подбежал я, — встань, брат, не теряй перспектив.

Lukаха учел меня одной рукой.

Я не вытерпел и ушел.

Издали видел я, как Ипат расстелил шубу в грязь, лег и просил лечь с собой рядом Lukаху.

А потом прибежала Ипатова баба в Lukakhina мать и подняла крик...

Я пошел отыскивать Саньку, Ваньку и Проньюку, но так их и не нашел, и дих сих пор не знаю, что они делали.

До вечера бродил я Каином, оставшись один от всей ячейки.

* * *

... В УКОМ я послал маленький отчет на восемь страниц. Я писал все в точности и в конце приписал:

«Дорогие товарищи, пишу потому, что остался я один работоспособный и прости, что немного коряво написал.

Кругом меня после такой пасхи (согласно вашим инструкциям) ни одного товарища на ногах, а зато на руках у меня десять устных заявлений от самых боевых парней о принятии в комсомол.

Молодежь заражена нашим энтузиазмом и хочет того же.

Я думаю принять всех без исключения»...

* * *

ПРОШЛА неделя, и на Фоминой мухинки выехали пахать. Земля была рыхлая и они весело кричали:

— Но, бороду!

— Возле!

Как ни в чем не бывало, забыли они про крестный ход, — им и горя мало. Ребята тоже оправились, только с Васей немного плаковато — помер. А еще получила я на свой отчет ответ срезомлющий на кончике поперек моих слов:

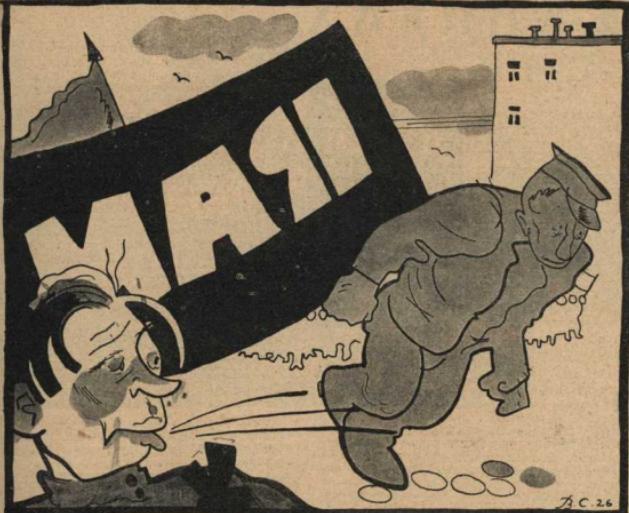
«Принять всех без исключения» — было написано.

— «Исклучить всех без исключения».

— И меня? спросил я экстременного инструктора укома.

— И тебя.

Ну, тут первый раз в жизни я удивился.

В С. 26

О Б О Р О Т Е Н Ь

Н. АДУЕВ, рисунки В. СУТЕЕРА

Первомайский воздух прохладен и чист;
Жирным солнцем лоснятся крыши.
Колька Бодриев, активист,
Слозаранку из дома вышел;
На губах его задорный смех,
Грудь его в красных лентах.

ЗРЯ ОБРАДОВАЛСЯ
— А у нас непривычные слова выводятся...
— Это хорошо. Чем же выведите?
— Мелом на заборах...

СОВЕРШЕННО ВЕРНО
— Все мы, касатик, под Богом ходим...
— Верно, бабушка. Бы в нашем клубе на потолке нарисован, а под него мы ходим...

ДОРОГУ ЖЕНЩИНЕ
— Наш зав завсегда готов просьбу комсомолок исполнить. Надыш подошел к одной: «Хотите, говорят, я вас погулюю». А она ему: Ах, нет, увольте!...
— Ну?
— Ну, и уволил...

В КЛУБНОМ БУФЕТЕ
— Кто 'этн упавшие двоих пьяных?
— Это силы нашего драмкружка...
— Гм... Ваш клуб более упадком сил.

СТИЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ
— Отчего у вас ребята золотищают на столах, развалившись?
— Кстати уж: работа в кружке разваливается.
— А отчего работа разваливается?
— Вероятно оттого, что ребята развалились...

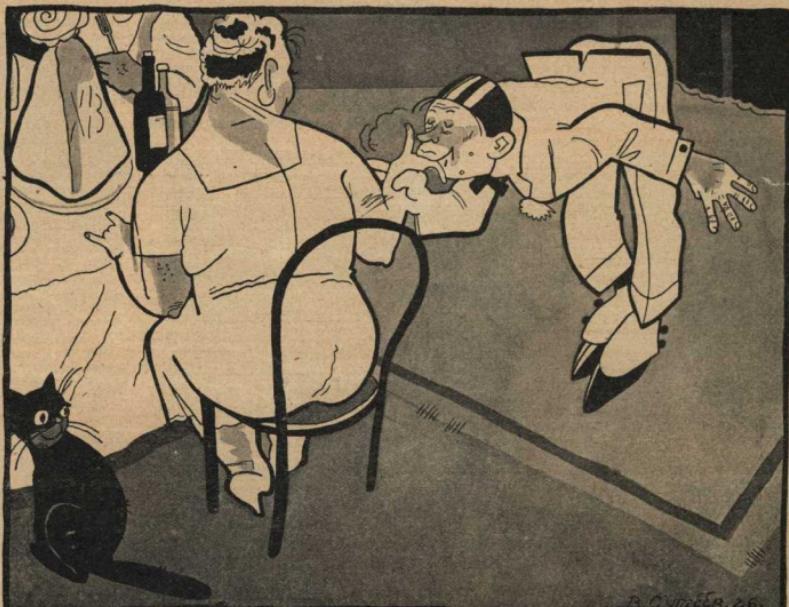
«Эх и день сегодня! Заорово, братва! С Первым! С нашим! С рабочим!.. Точка». Тяжело нести трехаршинный стяг Хамовнического района. Но для Кольки это вздор, пустяк, Он идет впереди колонны И, шагая под дружиной стройный хор, Колька стяг вздымает все выше... На Кольку сзади товарищ напер, Сопит и в спину дышит. На лице Кольки мельнула тень, Обернулся и тоном брезгливым: «Постыдитесь, товариши! В подобный день... От вас явственно пахнет пивом. Чтобы спасти первомайский парад. Не нужны пьяные рожи». И товарищи смылися в последний ряд, Окончательный уничтожен. А весна кипит, а оркестр ревет, А братва расправляет плечи.

Впереди колонны Колька идет Этой самой заре наавстречу.

II

Жирный окорок грузно на блюде лежит, Чуть дубовый ствол не ломая. В полном сбое весь семейный склик. Пасха. Второй мая. А бутылки! Чего только в них нет? (Для торжественности, не для пьянства). Колька входит. В озах его тихий свет Первых мучеников христианства, До затылка пробор. Янчик в руках, Пиджак — без пыльники, без пятен... Пронеслось по всему семейству: «Ах». До того он был актюран. Подошел к своим. Изогнула стая, Как любовник в коршевской писсе, Промолвил тихо: «Бонжур, маман, Дайте ручку... Христос воскресе». Чистый спирт сегодня подавлен в коньяк Господлавов Азербайджана. Но для Кольки это вздор, пустяк, Рядом хватит полстакана. Тыльная сторона на блюде бекала тень И с укором кинуто тело: «Постыдились бы, право. В подобный день... Вы, я вижу, водки не пьете». А кудря чешчит, а лампада горит, А баллы для закуски ливен.

Мая третьего — вновь братва говорит: «До чего этот Колька активен».

В. СУТЕЕР. 26

ПОВЕСТИ О ЖЕСТОКОЙ ЖИЗНИ И УПОРНОМ СОПРОТИВЛЕНИИ ЕЙ.

(М. Горький—«Детство» и «В людях», новые уделенческие издания Госиздата, 1926 г.)

КИЦЛУК повестей о рабочем подростке примикиают эти две повести Горького. Связанные единство героя и остальных действующих лиц, они являются рядом образцов художественного мастерства. Имея исключительно важное значение для автобиографии автора, они могут служить читателю редким по яркости примером упорной и успешной борьбы человека, вопреки тяжелым и уродливым бытам, окружавшим среду...

В «Детстве» перед читателем развертывается мир разоряющейся мелкой буржуазии, созданной с ремеслом, и то и любовь зарисовано развитие сознания ребенка и подростка, почти всецело отданныго на поглощению окружающими жизненными ненормальностями.

Мальчик, оставшись без отца, попадает в дом деспотического деда и доброй, но беспилльной в окружении обстановкой бабушки. Над дедом налагает жестокий уклад, в который обременено до-нельзя все болевые стороны вследствие грохощего семейного развода: семейный раздел, зависть, ложь, поизюмничество, вольные и невольные убийства, портая детей, избиение женщин, зорство и шутки, граничащие с жестокостью и издевательством над человеком, узаконенное воровство и мелкое умирание самого близкого человека—измученной многократно обманутой матери.

Читая, можно только удивляться силе вынужденного упорства, которое проплывает вспомогательной повести, против таких впечатлений... Но в этой жизни, иначему не бывает конца,—если минуло одно, не замедлит явиться другое, и потому таким последовательно жестоким звучит заключение повести устами того же деда: «Ну, Лексик, ты—не медаль, на щее у меня тебе не место, и иди-ка ты в люди. И пошел я в людьи».

За этим следует начало не менее волнующей повести «В людях».

Открываются новые страницы, где «вспомогательное» воздействие среди выходят за пределы родной семьи. На долгие годы, с перерывами периодических бегств, наш герой попадает в услужение к родственникам, типичным представителям мещанства.

От этой жизни нельзя не убежать.

И вот мы видим героя то «мальчиком», при магазине обуви, то он посыпщик на роликовой парходке, то прислуживает в иконной лавке и в иконописной мастерской, и, наконец, десятиком в постройках Нижегородской ярмарки. На этом пути также не может не разочарований, обмана, тягостей и жестокостей.

И вот эти новые встречи с людьми, то по-прежнему угнетают свою извращенностью, фальшивостью, то удивляют природным умом и смелостью силы... Отсюда в повести проходит ряд интереснейших людей, портретно и метко изображенных, людей же—учителя жизни. Из них первый—парходный пароход Сумирь, который добр, но только не показывает этого, потому что «нельзя этого показывать людям, а то зачморуются», и он первый человек, который настойчив, иногда даже смешно, поучает своего сподвижника лаконическим приказанием: «читай».

Дальше вместе с новыми людьми героя повести: «В людях» постоянно сопутствуют книги, всегда присущие ширине в жизни, борьбе за ее улучшение, и, и последствием служившие орудием воздействия на окружающих. Вот несколько признаний о книгах, имеющихся в повести:

«Читая, я чувствовал себя здоровее, сильнее, работал спор и ловко, у меня была цель: чем скорее кончу, тем больше останется времени для чтения».

«От книги в душу ложилась спокойная уверенность: я не один на свете, не пропаду».

Слово сквозь строкой проходит герой повести «В людях» через плотный, отрываликий, покрытый ржавчиной слой жизни, полной извращения и окаменевших обличий, и не свалился в канавах краинских улиц, сумев произвести над собой опять «самоспиртацию», проверки запаса сил и своей устойчивости на земле.

В таком восприятии неисчерпаемая заманчивость этих обеих повестей о суровой жизни и сопротивлении ей.

О КНИГАХ

Б. ВЛАДИМИРОВ

ИНОСКАЗАНИЕ О ФРАНЦИИ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

ФРАНЦИЯ вышла «победительницей» из войны. Такое положение не спасло ее от болезненного экономического переворота. В горячей атмосфере войны новые слои населения, прежде всего рабочие и, наоборот, другие огромные слои привыкли к разрыванию. За внешнюю показанную победу в сознании народа отпечаталось глубокое впечатление потерпевшей. А во взищенных «интернациональных» обобщениях дружеских и союзных наций присла волна, взмущенного национальной и буржуазного отчуждения, вызванная противоречиями интересов в перемирии.

В такую изменчившуюся послевоенную Францию Раймон Эсс—автор книги «Рикэ с хохолком» (Изд-во «Земли и Фабрика», 1926 г.) предпринимает экспедицию со склонческими героями «спасшего красавиц», «Сине Бороды» и др. под предводительством мага-моралиста Риша с хохолком.

Такие «неизоединимые принципы» позволяют автору как бы заново посмотреть на окружающую его драму: трезвую оценку совершившегося глазами наивных и потому нелживых наблюдателей.

Правда, все эти «Синие Бороды», «Сияющие Красавицы» и «Тетушки Мицель»—люди старомодные, но их судьба в картире победившего капитализма много говорит о действительных победителях в создавшейся обстановке.

Вот с кем встречаются они в своем путешесвии: первый—то г-н Меркант, обагренный «всебойной сказкой—войной»; только что обросший багажом, он, припекаемый «стелется у ног дворянства», чувствует за собой еще неостывшие прступления...

В иной раз следует перешагнувший из сказки в быль «мальчик из поганки»—сын дровосека, он—пакиши в войне, потребовавший от государства в виде праца на наказни за то, что безропотно ходили его братья на убои. Это—белый идеолог крупного крестьянства. «Я—дебютант в роскоши»,—признается он о себе.

Их возглавляет депутат Дюфлан, скатившийся по «акону эволюции» от крайних левых к крайним правым и обыкновенный во всех креслах всех министерств...

В тех злоключениях, которые испытывают «предприниматели», обнаруживаются действительные положения вещей. Башбух Мишель «даже хотела накормить нечехом, и постепенно испытывают: дорогоизвания, безбрзги, эпилептический кризис, спекуляция, как гоны волнистый круг, в котором тщетно бьются широкие массы населения..»

И поэтому так снижаются мечты наших героев: «Сияющая Красавица» побыла на рыцаре, лишь бы выйти замуж, «Бабушки Мицель»— лишь бы устроиться в хуторки, «Синей Бороде»— лишь бы найти невесту с комнатой, а самому Рику—стать суперфектом полиции. Лишившись «Красной Шапочки», попав под подозрение за красный цвет, может заработать «ленишки», сделавшии простиранку.

Но умерла «Сияющая Красавица», кончил самогубством «Синяя Борода» и зоркий Рикэ с хохолком не может больше оставаться в этой стране «слипком победительнице»—он не видит в ней ничего, кроме ненависти...

Книжка иносказательная, потому несколько труда, но любопытна и правдива.

КНИГА О МОЛОДОМ БУРЖУА НАШИХ ДНЕЙ

ВРОМАНЕ французского писателя Жана Жозе Фраппа «Сын господина Пуарье» (Госиздат 1926 г.) с большой проницательностью изображает типичный представитель эдого поколения современной французской буржуазии, а тот фон, на котором совершается история романа, прекрасно иллюстрирует превратившееся состояние правящего класса в целом.

Пуарье (сын владелеца оптовой торговли сукном и тканью) вступает в жизнь в самый разгар империалистической войны, избежав фронта, устроившись в тыловую службу. С первых страниц и до конца романа все содействие им служит подготовительной школой жизни к самостоятельному ведению дел в родительском предприятии. Интересно проследить этапы этой подготовки.

Пуарье и его друг—Бродо (сын владельца «Модного Базара») начинают свою карьеру на государственных постах в военное время; бедствия войны создают их первые успехи... Ловкая хватка, быстрое вынуждение, вместе с удачными любовными историями, содействуют им.

Комиссионерство, маклерство—первый этап упражнения их предпринимательских способностей.

Свойственные молодости увлечения не спасло ее от болезненного экономического переворота. В горячей атмосфере войны новые слои населения, прежде всего рабочие и, наоборот, другие огромные слои привыкли к разрыванию. За внешнюю показанную победу в сознании народа отпечаталось глубокое впечатление потерпевшей. А во взищенных «интернациональных» обобщениях дружеских и союзных наций присла волна, взмущенного национальной и буржуазного отчуждения, вызванная противоречиями интересов в перемирии.

Свойственные молодости увлечения не спасло ее от болезненного экономического переворота.

Маргарит Ружен, девочка из свидания с Маргаритой Ружен, дочери и деревни и скрепленной полюбившей его... Но Пуарье влюблен в нее, ее расставание с ней слишком торжественно и читатель вскоре же узнает, что здесь проистекают точно рассчитанная алибиальная любовь. «К великому удивлению друзей, он был верен ей три месяца», и теперь спешит рассказать это удивленным и в свою записную книжку он заносит под № 58: Ружен—20 лет: начало—декабрь 1922 г.; работница, конец—июль 1923 г.; записывает, предрешая счастья.

№ 58—свидетельствует о достаточной «влюбчивости» этого человека и об его предусмотрительной аккуратности приходо-расходном учтыванием любовниц.

Отвлеченными делами на стороне, Пуарье чувствует приближение своего «делового совершенствования» и поэтому переносит свое внимание на внутрисемейные отношения. Происходит его встреча с сестрой—по музы—героиней Монтиерской. Этот брак—распространенная в буржуазных кругах дань титулу, это—так называемое «позолоченное герба», придающее благородство денежному могуществу. Пуарье вначале неизвестен на иерасхически-барский образ жизни знати. Инстинкт крепкому же дельцу протестует в нем против такого «невыгодного» союза с отжигающим привилегированным классом.

Выгоды—шестое чувство этого человека; в его сознании она превращается в понятие долга. И даже, когда он решает порвать с искренне полюбившей его работницей и этим впоследствии довести ее до самоубийства, то и это он считает жертвой для счастья другого. Такова доброта Пуарье.

Пуарье стойко проходит сквозь испытания неизданного риска, например, искущение сыграть в карты и вступает в круг высших слоев буржуазии. В новых знакомствах он прятывает книгу.

Он появляется в их обществе и постигает механизму быстрого обогащения.

И вот перед вступлением в управление «семьями богатствами» ему остается сделать последний шаг.

На это намекают письма отца: «Обратите внимание на дочь Версера (банкира). Ее состояние оценено в 5 миллионов. Красота? Ничего, что она некрасива... Красота, как все в жизни, поддается и к некрасивому привлечению...» И Пуарье следует советом: «он рассмотрел ее (дочь банкира) и отметил, что ее угловатая грудная кость была спрятана под кожаную юбку, цена которой по меньшей мере в триста тысяч франков». Во имя выгоды только что доведи до смерти девушку-работницу, жененися на неопрятной ему, некрасивой дочери банкира.

Так повел долг классовой выгоды. Перед нами—законченный тип молодого буржуа, новейшего послевоенного образца: Пуарье предпринимчив, энергичен, последователен, весь на стороне интересов своего класса...

КУДА ЕХАТЬ ЛЕТОМ?

КАВКАЗ. ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА

Б. КЛЕПЕНИН

ВЕРШИНА КАЗБЕКА: его мощная вершина, около 5500 метров высотой, надолго остается в памяти увидевших ее.

НАС, ЭКСКУРСАНТОВ, 30 человек. Все—«своя братва», комсомольцы. Среди кепок алеют платки «девчата»—веселых и компанейских товарищ, как и все остальные. «Руководов»—двоих «дядей», состарившихся в путешествиях, собаку с'евших в этих местах и настолько набитых вскыпими знаниями и сведениями, что мы зовем их между собой «справбюро». Большинство ребят из нашей группы впервые выбрались из города и потому жадно, всем существом, вбирают в себя новизну путешествия.

Поезд мчится по типичной калмыцкой степи. Направо и налево плоско и гладко. Только кое-где стада верблюдов, да

ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА: отвесные скалы около станции Балта

по низинкам, в оврагах, у жалких кустарников растительности—глинистые маленькие домики. Наших бревенчатых изб и помину нет. Около Армавира начинаются бесконечные подсолнечниковые поля. На юг посмотришь—все зелено, на север—все желто: огромные соцветия—все повернулись к югу. Места эти издавна считаются житницей «семянек» и «краем подсолнечного масла», так как семячки вызревают здесь особенно хорошо.

Станция Владикавказ. Отсюда путь намечен по Военно-Грузинской дороге до

Тифлиса. «Как ехать?»—этот вопрос обсуждается всеми долго и бурно. Одни предлагают ехать на лошадях; другие стоят за автомобиль. Третий—и пешком не прочь пройти всю дорогу. Но двести верст пройти, да еще в горах,—глаза вылезут, а на лошадях ехать—тоже интересно: натягнешься.

Голосуем; большинство—за поездку в авто...

Договариваемся с шофферами, кое-как набиваемся в четыре старых «примуса» и айда в путь...

Дорога идет берегом Терека, шумно пенящегося, прыгающего с камня на камень, но в общем довольно мелкой, неизменительной речки. Первую станцию пролетает быстро. После Балты и... Дарьяльское ущелье.

О Дарьяльском ущелье каждый из нас слышал и еще больше читал. Поэтому все «едят» глазами эти места. Да—скалы чертовски мрачны. Жуть... Висят они

над самой дорогой, так что чудится—вот-вот оторвется какая и упадет. Одна так даже и шатается. И так и кажется, что вот-вот сорвется: такие случаи, ведь, здесь не в редкость. Впрочем, не столько сами скалы срываются, сколько снег, тающий на горах; он и уносит с собой камни. Один из наших «справбюро» рассказывает, что лет 10 тому назад, когда он проезжал здесь, перед самой его лошадью дорогу завалило камнями так, что пришлось нанимать осетинов, которые перетасили экипаж. Часто случается, что и людей заваливает камнями.

Несколько раз переезжали через Терек по легким мостикам. Ущелье тесное; кое где виднеются старинные башни. И про какую ни спросишь, все—башня Тамара.

Царница Тамара, которая жила лет тысячу тому назад (или больше), оставила, видно, по себе глубокий след в воспоминаниях. Всякую постройку признают ей и большинство считает ее злой и жестокой. Все эти башни были будто бы построены только для того, чтобы слепить из дверей и грабить «купеческие» караваны. Так оно и было; но в действительности это дело не одной Тамары, а десятков царей и царьков, живших то же «работой».

Шофферы делают частые остановки и мы пользуемся этим, чтобы несколько размять свои ноги, оглядеться.

Кончается Дарьяль и мы вступаем в более широкое и веселое ущелье. Заметнее становится приближение возвышенных мест; встречаются все чаще и чаще горные растения, появляется желтый кавказский рододендрон. Горы раздвигаются. Воздух прозрачности изумительной. Кое-где в отдалении можно видеть за целую версту большие стада баранов и лошадей, которые кажутся резкими, черными точками. Вышина гор тут достигает около $2\frac{1}{2}$ верст, а главный горный массив—еще впереди и будет гораздо выше.

ЧОРТОВ МОСТ через Терек в Дарьяльском ущелье

ПРОПАСТЬ реке Тереку, вдоль Дарьяльского ущелья

Незаметно, часа через два, мы приезжаем и на станцию, у самого подножья огромной горы Казбек — около 5059 метров высотой и третьей по высоте горы Кавказа (первая будет по высоте Эльбрус — 5.500 метров, вторая — Дых-Тау). Раздвинувшиеся тучи открывают остроконечную белую шапку огромного Казбека. Девчата замирают перед ее монументальной, невиданной красотой...

Небольшая остановка. Мы накупаем массу всяких минералов у горцев.

После Казбека ущелье явно раздвигается. Горы становятся ниже, долина реки куда-то уходит далеко вглубь. Мы начинаем приближаться к перевалу. Кое-где опять замечаются развалины и старинные, очень маленькие христианские церковки. Тут, в этих непрступных горах Кавказа, все время держалось христианство. Эта самая дорога, повидимому, и есть тот путь, по которому некогда европейские народы пришли в Европу из сердца Азии. Так говорят нам наши руководители.

Существует еще предположение, по которому переселения совершились не этим путем, а через Дербентские ворота, мимо Каспийского моря. Там, действительно, также можно обойти Кавказ, так как около самого моря только в одном Дербенте скалы не подходят к самому берегу и тут, действительно, природой устроен как бы проход из Азии в Европу.

Мы все время несемся вдоль берега Терека и поднимаемся над этим берегом все выше и выше. Самая речка становится все меньше заметной. Сейчас она выется где-то там, внизу, а мы опять высоко в горах. Начинают попадаться уже и полянки — все в снегу, хотя солнце и «шашит» во-всю. Еще выше — и мы попадаем в настоящие коридоры — туннели, которые сделаны нарочно для того, чтобы дорогу не заваливали снежные и каменные лавины. Эти туннели и сейчас еще не кончены и над ними все еще работают. Раньше из вовсе не было; только кое-где над дорогой делались простые деревянные крыши, которые, конечно, никакой лавине удержать не могли. Руководы

говорят, что точно такие же деревянные крыши над дорогами, заносимыми снегами, устраиваются в Норвегии. Там даже и над железной дорогой проведена такая крыша, так как в Северной Норвегии жел. дороги проходят в таких местах, где лед держится круглый год даж на не особенно высоких горах.

Мы поднимаемся все выше и выше. Местность становится каменистой и обнаженной. Высоко, но холода мы никакого не испытываем, так как на наш счастье нет ветра. Авто мчится со скоростью 30 верст в час... и мы у «Крестового перевала» — самой высшей точки нашей дороги. Отсюда уже — спуск. Вся дорога спускается «кренделями», кривыми изгибами. Автомобили наши летят с молниеносной быстрой, делая, вероятно, верст 70 в час и устраивая самые крутые «виржини» на поворотах. Шофера, однако, не смущает и все время рассказывает нам, что на этом, вот, месте слетел недавно авто и разбился вдребезги, на этом — выплевет пассажир, а шофер остался жив, на другом выплевет шофер, а пассажир остался цел и т. д. и т. п. Некоторые из нас начинают придумываться и становятся менее разговорчивы.

В течение двух-трех минут мы делаем чуть ли не повороты пятнадцать. Наконец, мы внизу. Но дальше мы снова идем отчаянно широкими ходами. Внизу чувствуется, что мы совсем в другом климате. Становится гораздо теплее. Долина шире, веселее. Еще около часа — и мы на станции Ананури, где ущелье опять тесно, но зато покрыто красивыми лиственными деревьями.

На станции нас ждет на веранде накрытый стол и целый готовый горячий обед. Все заказано наши-ми «справбюро» по телеграфу с Казбека.

Через полчаса мы снова в пути, вздымая облака пыли. Горы опять слегка отодвигаются и дают больше простора. Мы быстро скатываемся вниз, проезжаем мимо города Душет, расположенного верстах в двух от дороги. Ни только к самому вечеру, к восемь часам, приближающимся к г. Мицхете, где, в сущности говоря можно считать Военно-Грузинскую дорогу оконченной. Тут она выходит уже в долину реки Куры, а рядом с ней бежит и железная дорога, по которой можно отсюда доехать до Тифлиса.

...Вдали огни Тифлиса. К двум часам ночи только звонкий храп под высокими потолками гостеприимного дома. Это «брата» задувает кому где пришло...

следующий очерк серии
„Куда ехать летом“
будет посвящен
Южному берегу
КРЫМА.
Вы найдете его в девятом №
С М Е Н Ы -

ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА: перевал между Душетом и Ананури.

ЖГУЧИЕ ЛАСКИ

Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

другие — и инфракрасные (за красным краем). Лучи эти невидимы. Но действие на организм этих невидимых лучей чрезвычайно сильно.

Ультрафиолетовые лучи обладают значительной химической силой; они и жгутся. Невидимые, а жгут. Инфра-красные лучи — лучи тепловые.

И вот значительное накопление пигмента в нашей коже и есть самозащита организма от чрезмерного воздействия химических (ультрафиолетовых) лучей.

Сейчас я вам опишу. Закройте себе тушью часть кисти руки и выставьте эту руку на несколько часов на солнце. Рука покраснеет, появится солнечный ожог. Смойте тушь — поднейте кожу не изменилась. Выставьте на другой день эту руку опять на солнце. Те части, которые успели загореть вчера, не изменятся, а белый кусочек (был под тушью) покраснеет. Под тушью нет еще этого пигмента, который образовался вчера на незакрашенных частях руки, ничтоже еще не защищает здесь кожу от последствий «ожега» пощады.

ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ осенью, взглянули друг на друга и... захотели.

— Хорош! На манер арапченка стал.

— Да и ты неплох — любого цыгана перешагивал.

Они — два пионера, проведшие лето далеко на юге. Один — «крым», на берегу синего, ласкового моря; другой — среди знойных и беспитейно-горячего неба степей Киргизии. Загоревшие, чуть ли не до черна, с блестящими волосами, они редко бросали в глаза среды霆мы бледных горожан.

Хорошо было?

— Ой, хорошо! Вначале вот только...

— А что?

— Да очень уж солнышко больно целовалось. Так пощеколело оно меня в первый день знакомства, что вся спина взводырила, а потом кожа прям лоскуты полезла.

— Набросились ты, верно, на него на первых порах? Переседа?

— Да нет, и сидел неделю. Ну, дескоток минут всего. И сильно совсем не было. Я бы и не заметил, да ребята кричат: «Сеня! Синя саже!». Ласковое такое солнышко показалось, а, гляди, что вышло, вся спину скжег...

А вы, товарищ, знакомы с горячим пощелупом солны, испытав его жгучие ласки? Ласки, после которых ярко краснеет и припухает «назевленное» место; горяче пощелуп, после которого жжет, а кожа слезает лохмотьями?

Знакомы? — сочувствуя, — нет? — не советую знакомиться. Неприятно, да и небезопасно.

Знаешь, нельзя? — Ничего не «нельзя». Нужно только некоторая осторожность, не нужно сразу «набрасываться».

Замечали вы, что обижает солнце не всех, а как будто по выбору? В первую голову страдают те, что побледне. Не приходило вам в голову, — почему солнце не сжигает араба, негра?

Они привыкли. — Пожалуй. Но что значит — привычка?

Что-то защищает их кожу от «ожега» пощелупа, и сравни северинки с негром, не трудно догадаться, что именно. Но только у негра, но и у любого человека, подолгу бывающего на воздухе, на солнце, кожа темнее, чем у горожанина севера.

Что такое загар?

В нашей коже есть особые красящие вещества, так называемые пигменты. От того или другого количества их, от того или иного расположения их в коже зависит, какая пигментация степени, и окраска кожи. Знание пигментов нашей кожи, однако, не только в том, что они «красят» кожу. Их роль много серьезнее.

В знакомы с солнечными лучами. Вы знаете, что солнечные лучи, белые, есть результат смещения ряда цветных лучей. Разложите белый солнечный луч на его составные части, что получится. Видели радиуг? Вот радиуг и есть разложенный солнечный луч. В радиуге видим семь цветов; значит, белый солнечный луч состоит из семи семи цветных лучей (фиолетовый, синий, зеленый, красный и т. д.). Но этих лучей в радиуге больше. Их не семь, а девять. Есть в них еще луки невидимые нашим глазом — они лежат за краем радиуги. Одни из них — ультрафиолетовые (лежат за фиолетовым краем),

ЛЕЧЕБНОЕ ДЕЙСТВИЕ холста есть результат действия солнца:

СОЛНЦА: 12-летний девочка, на него химических лучей солнца, через полтора часа вода

была извлечена от коры одними только солнечными ваннами, без применения в надлежащей форме, без применения липкого корсета. Слева она показана до лечения, правый снимок сделан перед ездой с курорта.

ВНИЗУ ПИГМЕНТ, ДАЮЩИЙ ЗАГАР: едва маленький зернышко он заложен в венерических слизиющих склонов юности

и про веснушки, маленькие пятнышки, распространенные по лицу и наблюдаемые резко на синеве юности.

Веснушки — результат неправильного распределения пигмента в коже.

Пигмент скапливается отдельными участочками, отсюда — пятна; называемые зимой (пигмента очень мало), пятнышки текут выпуклостью резко.

Нормальное скопление пигмента можно вызвать и образование больших отдельных пятен на коже.

Пигмент имеется в коже многих животных.

У некоторых из них клетки, заключающие в себе пигмент, могут изменять форму и поглощать свет, чтобы не перегреваться.

Такие животные прямокрылые на глазах могут изменять свою окраску.

Такова, например, разраженный чешуя, он стала быстро начинать менять свою окраску, что, буквально, переносит чистые цветами радиуг. Значение пигмента для животных разнообразнее, чем для человека: он здесь обуславливает и окраску кожи животного (не покрытого шерстью или пером); окраска кожи лягушки, например, зависит от пигментов ее кожи.

Имеются пигменты и у растений. Вы замечали, конечно, что многие разрастающиеся почки, маленькие листочки, всходы озимы — красноватые. Этот цвет зависит от присутствия в молодых листьях особого пигмента.

Вернемся, однако, к жгучим ласкам солнца.

Понесли солнечных лучей могут не только объекты, вам кожу. Солнце может так «крепко», так «страстно» нацеповать вам голову, что с вами случится, так называемый солнечный удар: в глазах темнеет, звон в ушах, потеряет сознание и падает. От солнечного удара чрезвычайно легко излечиться, особенно далеко на юге. Поэтому же жители многих стран и носят на голове что-либо плотное, хорошо защищающее голову от жгучих лучей, или заменяют головной убор конопль собственных густых волос (негры).

Смерть от удара, сам солнечный удар — результат перегревания головы, т. е. мозга — это чрезвычайно нежных, чувствительных клеток,

тепловыми лучами солнца — и результат воздействия химических лучей (на мозг).

У вас, быть может, является сомнение — да же что: полезны или вредны химические лучи солнца?

Не сомневайтесь, товариши: солнечные лучи полезны, полезны и полезны. Ожоги негруду избежать, если не злоупотреблять солнечными лучами сразу, а привыкнуть к ним постепенно, т. е. не доводить дело до ожога, не стараться загореть как можно сильнее и скорее.

В чём польза солнечных химических лучей?

Приведу в качестве примера хотя бы много-

численных случаев костного туберкулеза.

Это мучительное заболевание прекрасно поддается лечению солнечными лучами.

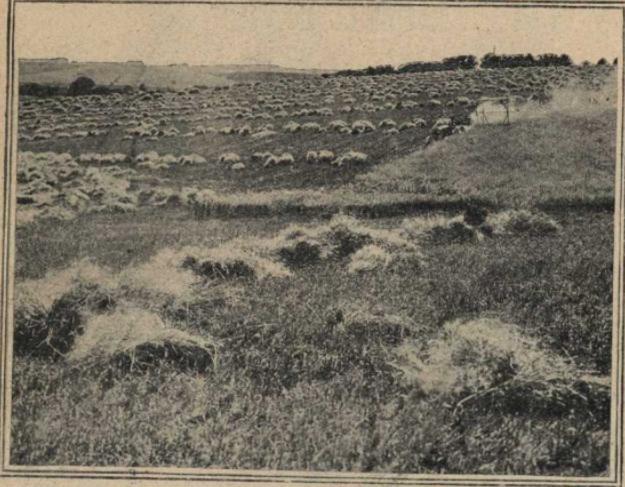
Излечиваются ряд болезней, чрезвычайно хорошо действует солнечный луч и при многих химических заболеваниях.

Коротко говоря, солнечные солныща состоят из всех возможных способов лечения, и им пользуются чрезвычайно широко у нас и за границей для лечения самых разнообразных болезней.

ОТ ЗЕРНА

А. ЛЕВИ

СОВРЕМЕННАЯ ЖАТВА: трактор с жаткой, на котором один человек убирает целое поле (рис. 1)

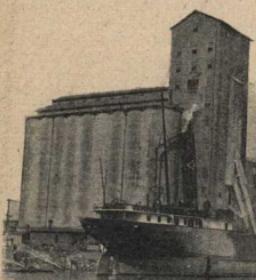
ВСПАШКА союз, до сих пор применяемая русскими крестьянами, требует чрезвычайно большой затраты времени и рабочей силы. Рабочий день дает лишь четверть-пятая вспашки. Плуг, запряженный двумя лошадьми, на обычной плохой земле дает также не более полудесятин. При этом влажная земля и боронить надо раза два-три что отнимает также несколько дней.

густой посев еще и земля портит: под густым посевом земля плохо высыхает, плохо прогревается, а в весенние и осенние заморозки на таких местах посева большие вреды страдают от холода.

Всего этого американский земледелец не знает, благодаря тому что земля, имеющая ровный посев. Она кладет зерно к зерну, скользя от этого во исходах—как солдаты в строю,—ровные, как на подбор, да полные, потому что и света, и почвы на каждого в борозде приходится по ровни, и притом вдоволь, т. к. гу-стоты нет.

Конечно, для хорошего урожая на плохой земле нужно еще и удобрение, положенное во время и с толком. Но там, где удобрение и на дешево, как, например, в черноземной полосе, урожай получается образом зависит (если семена не плохи) от умелой вспашки и посева.

Что же получают американцы от своей машинной работы на пашне? Вместо 46 пудов, как у нас в СССР—

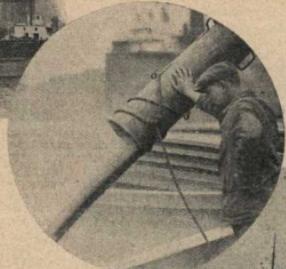

ИЗ ЭЛЕВАТОРА зерно или идет в помоза на мельчицы, или грузится на пароходы для экспортации. К этому подводят пароход, и зерно самотеком пересыпается в трюм, как показано здесь. Такой способ перевозки парохода во много десятков раз производительнее работы груженых, носящих хлеб в мешках (рис. 6).

Между тем, опираясь на успехи современной техники, эти сроки можно сократить во много раз, да и тяжелую крестьянскую работу сделать гораздо более легкой.

Богатство земли в Америке: две с половиной десятины в день. Это величина трактора. Трактор может тащить за собой двенадцатиметровый плуг запахивающей сработки, и притом так, что и боронить потом не нужно.

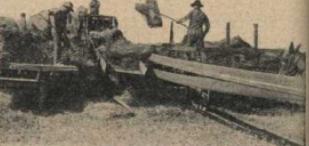
Легче у нас посев. Он не требует огромной затраты рабочей силы, хотя и отнимает много рабочих часов, но зато качество ручного посева никакой критики: где густо, где пусто. Местами плеши, а местами такая густота, что колос, когда созрет, ложится. И мало того, что в местах, где посев слишком густ, зерно плохо наливается и урожай выходит пестрым,

В КРУГЕ — СТРУЯ ПШЕНИЦЫ: снимок показывает конец элеваторной трубы, которая насыпает зерно в трюм парохода.

по 95, т. е. больше чем вдвое. Оттого и получается так, что земледелием в Америке (мы говорим о Соединенных Штатах) занимается всего 40 миллионов человек, а получается же хлеба в 1½ раза больше чем на 100 миллионов земледельцев. Если бы у нас в СССР поставить земледелие так, как у американцев, то мы могли бы получить не 5 миллиардов пудов хлеба, как теперь с трудом получаем в 28 миллиардов, т. е. приблизительно в 5½ раза больше нашего текущего урожая.

Но этого мало. Мы даем не только меньше хлеба, чем мы можем дать, но он обходится еще и дороже, чем дают американцы. Но дорогой цена за хлеб на заграниценных рынках никто не даст, если есть денежный американский. И оттого мы должны сократить свою рабочую силу, а потому и зарплаты им тоже плюхой. Отчего же это? Оттого, что мы много рабочего времени тратим не только на испанку и посеты, но и на разную уборку урожая. Жнут у нас серпами, кое где косяткосами, а еще реже—машинами-жатками. Скатья хлеб с поля ввозят домой на гумно или на ток, молотят цепами,

МОЛОТИЛКА В РАБОТЕ: здесь показаны начало и конец процесса: слева—подача снопов в машины, справа—молотилка «брэбрасывает» пустую солому (рис. 2).

редко молотильными камнями и еще реже машинами-молотилками. Потом веют хлеб с лопатами, хотя все больше и больше переходят на ручные веялки. А в Америке как это все про исходит?

Поглядите на рис. 1. По полю движется трактор; около него жатка. Жатка эта не только собирает зерно, но и снопы, складывает их в конны и собирает зерно в один рядами. Другой трактор приводит в движение молотилку, которая тут же в посе (рис. 2) не только молотит, но и отвечает зерно и собирает его в мешки. Все время она передвигается по полю за жаткой и оставляет после себя готовые ряды мешков, (рис. 4) полных отвяленного, чистого зерна. Их стоят только подобрать, да на целом поезде из телег или грузовых полков тем же трактором свезти либо на мельницу, либо в элеватор—огромное, многозажимное зерновозилинг (рис. 4 и 5). А из элеваторов его уже по железной дороге, или на пароходах развезут куда требуется (рис. 6 и 7). Нет нужды каждому строить и тратиться на амбар; нет нужды терпеть время на сквозь жатвы с поля домой разгрузку ее на

ВЫВОЗ АМЕРИКАНСКОГО ХЛЕБА: здесь изображен очередь судов, ожидающих погрузки хлебом в гавани Буффало. Соед. Штаты (рис. 7)

ДО КАРАВАЯ

снимки «WIDE WORLD PHOTO»

гумно, погрузку зерна с гумни на вагон, перевозку на рынок, разгрузку на рынке и т. д.

Но этого мало. Давят и печечный хлеб в Америке делают при помощи машин. Ведь у нас даже в торговых булочных до сих пор хлеб и месят и разделяют руками, а пекут—много, много, если по сотням хлебопекарни в больших городах. У американцев это все делают машины. Они и мясят (рис. 8), они и разделяют тесто на хлеба (рис. 9), они и укладывают хлебы на листы (рис. 10), они же и пекут их в чистеньких, небольших электрических печах, выбрасывая на рынок из одной булочной десятки сотни тысяч дешевых, вкусных хлебов. Все делают машины—от зерна до каравая.

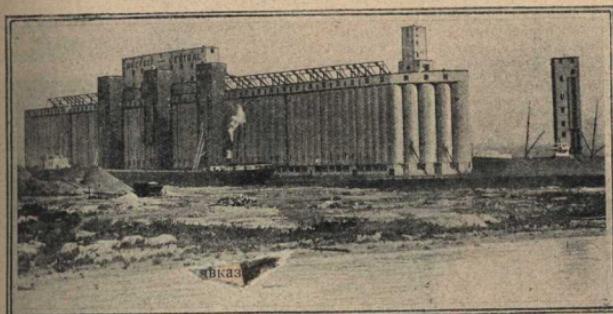
Можно ли этого добиться у нас?

Конечно!

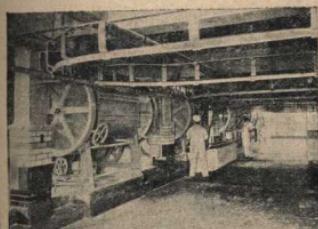
МАШИННЫЕ ЖНЕЦЫ оставляют на поле лишь кучи соломы и мешки с готовым зерном. Справьте это с нашими приемами жесты и вы увидите, что такая производительность труда (рис. 3)

ВСЯ АМЕРИКА ПОКРЫТА СЕТЬЮ ЭЛЕВАТОРОВ, в которых скапливается фермерское зерно, еженощно автобусом каждого отдельного фермера. На снимке выше изображены один из величайших в мире элеваторов в Буффало, Соединенные Штаты (рис. 4)

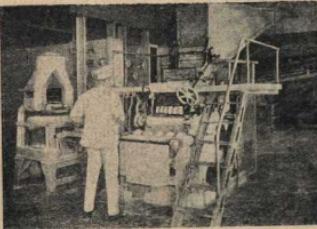

таможниным правительством стали отпускаться значительные средства на сельскохозяйственные улучшения.

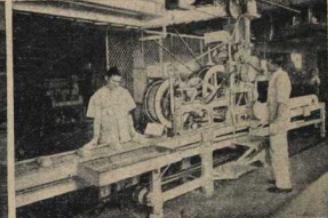
В СССР машинизация сельского хозяйства является одной из важнейших задач, которые ставит себе Советская власть. Без машинизации сельского хозяйства невозможно перевести его на социалистический лад. Отсюда и заботы о тракторах, о сельскохозяйственных машинах, которые должны заменить в деревнях теперешнюю ручную работу.

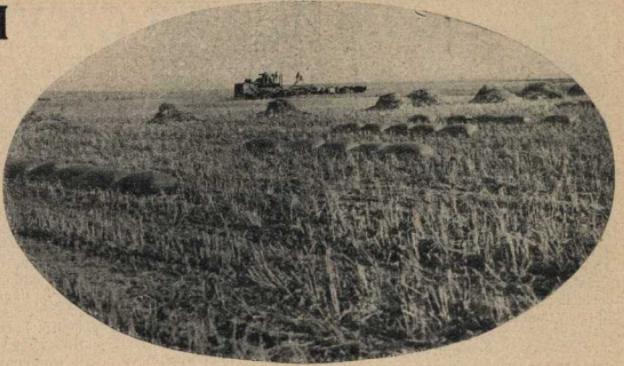
ХЛЕБ, КОТОРЫЙ НЕ ТОГДАЮТ РУКАМИ: на этом снимке показаны месильные машины, каждая из которых месит тесто для 7 блох (булочных Нью-Йоркского хлебопекарного завода) (рис. 8)

МАШИНА, РАЗДЕЛЫВАЮЩАЯ БУЛКИ: каждый кусок цилиндра в центре машины выкладывается на бесконечную ленту передатчика булочных булок (рис. 9)

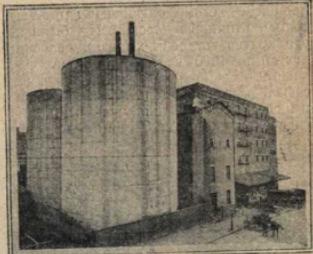
ЭТА МАШИНА укладывает разделанные булки, подносимые передатчиком, каждую отдельно, на листы, на которых они направляются в печь (рис. 10)

Сейчас проводится эта работа в довольно больших размерах. Совсем недавно СССР запустил в Америке более 10.000 тракторов. В деревне организуются машинные товарищества обединяющие средства отдельных крестьянских хозяйств для закупки машин. Государство всячески идет на помощь этим товариществам, одалживая кредит, допуская льготную рассрочку выплаты и т. д. Всё шире становится вопрос об общественном хлебопечении, а отсюда один шаг к тем хлебным фабрикам, которые так распространены в Америке.

Техника Америки показывает нам наше будущее: машина займет и у нас такое же место, и так как она будет работать на пользу социализма, а не ради обогащения отдельных хозяйств, то она будет еще более облегчать труж человека.

СОВРЕМЕННАЯ МЕЛЬНИЦА БОЛЬШЕ ПО ХОЖА НА ЗАВОД, чем деревенскую мельницу с крыльями. Здесь изображен общий вид большой вальцовой мельницы. Огромные барабаны на переднем плане, это—элеватор для хранения зерна до помола (рис. 5)

ЛЕТНИЕ ЭКСКУРСИИ

Б. ГРОМОВ рисунки В. Гусева.

ТЕКУЩЕЕ лето представляет широкие возможности для организаций в кого-либо рода экскурсий. Зачастую рабочий или служащий, получивший отпуск, не знает, как его с пользой для своего здоровья употребить: на курорт его не послали (он не болен), в дом отдыха он не попал. Куда удрать от зловещей пыли города? Как сделать это, чтобы не ударило сильно по его скромному бюджету? Тот, у кого есть свободные деньги, всегда сумеет при желании правильно распорядиться своим отпуском. К его услугам есть правительственные и общественные организации, экскурсионные базы (Росс. о-во туристов, экскурсионная база Наркомпроса, профсоюзов и др.). В настоящей статье мы не будем касаться подобного рода экскурсий.

Мы возьмем, как типовую экскурсию, небольшую группу в 5—10 чел.

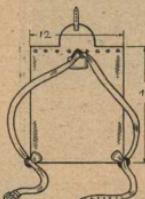
Для однодневной пешеходной экскурсии в окрестности города ничего не требуется сложного. Заранее лишь избирается твердый маршрут. Вообще при всякой экскурсии маршрут должен быть твердо намечен, и изменения его, дабы не вносить дезорганизацию, должны допускаться лишь в крайних случаях.

Велосипедная экскурсия имеет большое преимущество перед пешеходной в смысле быстроты передвижения. Велосипедист может забраться вдали от железной дороги и в небольшой промежуток времени исколесить большое пространство. Подобного рода экскурсии прошли летом организованная союзом транспортников в Москве. Им были неоднократно устроены вылазки велосипедистов до 1000 чел., мотоциклистов и даже автомобилей, нагруженных членами союза, за город, вдали от жел. дороги и шоссе. Велосипедная экскурсия, многодневная, рассчитанная на прохождение

большого расстояния, многое сложнее. Не каждый уменющий ездить на машине может и должен отважиться отправиться в путь. Большая велосипедная экскурсия требует от участника прежде всего предварительной тренировки.

Но если участник подготовлен, если его машина вынесет долгую нагрузку и продолжительное серьезное испытание, то для велосипедиста представляется широкое поле деятельности. При выборе маршрута следует помнить, что наши шоссейные дороги вообще-то заставляют желать лучшего, а о проселочных дорогах и говорить нечего. Участник должен быть хорошо знаком со своей машиной, но случай возможных поломок и быстрых починов на месте. Запасную покрышку и камеру взять с собой необходимо (для удобства их можно одевать крест-на-крест через плечо), помня, что в пути проколы неизбежны. При выборе маршрута надо всегда иметь про запас недалеко расположенное шоссе. Весь путь надо разделить на этапы, приблизительно от 20—40 километров. Это и будет дневная проходимость. Каждые 2—3 суток необходим однодневный отдых, который можно удобно связать с осмотром

УДОВЛЕННЫЙ МЕШОК, у которого лямки застегиваются на эластичную, как пена. Благодаря этому мешок очень плотно лежит на спине. (Разм. в вертик.)

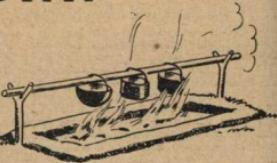
БОЛЬШАЯ ПЕШЕХОДНАЯ ЭКСКУРСИЯ для пionеров постарше и для ребят, знакомых с лавкой жизни, — увлекательная вещь. Мало что может сравниться с удовольствием ночевать в палатке у костра и бродить, не засоря ни от каких экскурсионных баз.

ром достопримечательностей данного края и т. д.

Багаж участника должен быть минимален и чрезвычайно экономен.

Ничего лишнего, ничего про запас (авось пригодится). Все должно поместиться на багажнике велосипеда и в крайнем случае в заплечном мешке.

Приближение должно быть сле-

ПОХОДНАЯ КУХНЯ; устраивается по направлению ветра.

дующее: смена белья, одеяло, провизия на 1 день, в крайнем случае — на 2 (лишь при условии, что путь лежит вдали от населенных мест), мыло, полотенце, фуфайка, сандалии и мелочи, индивидуально-необходимые для каждого.

Ехать надо в легкой майке (а то и без нее, когда на дороге нет пыли) непременно в трусиках.

После каждой езды щадительное купание и промывание кожи (здесь есть

КАК НАДО РАСКЛАДЫВАТЬ КОСТЕР: на кучку бересты, сухой листвы или другой расточки ставят более толстые сучки так, чтобы везде был доступ воздуха и вожживают с цветком.

ЭКСКУРСИЯ В ПОДКЫ. Вниз по реке — один из лучших видов экскурсий. Здесь сняты три лодки с экскурсантами на одной из горных речек Южного Урала.

опасность засорить ее и получить фурункулы).

Экскурсия на лодке в сильной степени зависит от материальных возможностей, ибо здесь расходы значительны. Лодка обыкновенного типа расценивается от 50 до 80 руб.

Перед отправкой хорошо просмоленную лодку надо несколько переоборудовать, приспособить к дальнему плаванию, убрать лишние скамьи. Все расчеты зависят от количества едущих. Посредине средней скамьи надо вделать легко разбирающуюся мачту, сшить хотя бы примитивный парус. Это всегда облегчит поездку. Необходимо устроить тент от дождя и наляющего солнца. Багаж мо-

зять даже некоторые «предметы роскоши», как-то фотоаппараты, котелки.... и т. д. В таких экскурсиях на еду надо ловить рыбу, поменьше забегать в деревню и жить на воде. На ночь поверх скамеек накладываются доски, расстилается одеяло или плед, чтобы придать подок устойчивость, в виде якоря можно спустить в воду на веревке пару больших камней. Из Москвы можно таким способом поехать до Каспийского моря.

Самая серьезная экскурсия — это многодневная экскурсия пешком. Перед выездом на такую экскурсию, сроком до 1 месяца, надо тщательно продумать все детали поездки.

Самое завлекательное — это организовать лагерь, жить в лесу, на полянке, на лоне природы, забыть на время городскую суету, пожариться вдали от людей на солнышке, ежедневно покупаться, позаниматься на свежем воздухе раннего утра, физическими упражнениями, вдайбаков поудить рыбу и проходитьсь.

Если представляется возможность получить обыкновенную «солдатскую» или лучше «офицерскую» палатку, то жилищный кризис разрешен. Внутри палатки вырывается земля и образуется, таким образом, проход. По бокам будут постели. Если хотите устроиться с удобством, то захватив гвозди, молоток и штуки 4 досок, сможете сколотить себе постель. Но это далеко необязательно. Мух, трава, сено, листья и еловые ветви под брезентом с успехом заменят матрасы.

ПАЛАТКА ИЗ 10 ПОЛОТНИШ, в которой свободно могут ночевать десять человек. Снимок сделан во время утренней уборки, показвает ее среднее утлубление, канавки и расположение перевесов и стоеч.

ИСКУССТВО ПОСТАВИТЬ ПАЛАТКУ: 1) колышки должны быть вбиты под углом в 45°, очи чахо держат, если угол будет больше или меньше; 2) внутри палатки делается ровик, благодаря которому в палатке можно сидеть; 3) снаружи палатка окружается канавками для стока дождевой воды с полотнищами; 4) если холодно, то можно устроить отопление: разрез камина для палатки показан справа.

Это такое наслаждение, которое испробовавший никогда не забудет и всегда будет стараться повторить. Горцы говорят про снежные вершины Кавказа: «кто здеш пил воду — тот сюда вернется».

Про жить в палатке или шалаше можно сказать: «кто покинул в лесу, кто трепался у вечернего костра, тот всегда найдет способ повторить это исклю-
чительное наслаждение».

Группа молодежи до 10 чел. заранее выбирает себе место расположения лагеря; оно должно быть на берегу реки, озера или пруда с чистой водой. Особенно надо тщательно отнести к выбору места для лагеря. Прежде всего оно должно быть видно от дороги, жилья, находиться по возможностям на солнечной поляне среди леса (не будет ветра), на возвышенности, с тем расчетом, что ночной туман с реки или озера не заглядывал в палатку.

ОБОРУДОВАНИЕ ЛАГЕРЯ — устройство лагерной уборной, которая необходимо в скользко-нибудь будь проделанном лагере.

РАЗРЕЗ КУХНИ в лагере большой экскурсии. Вырывается просторная яма, внутри которой устраивается очаг и вмазывается котел. Яма сверху покрывается тентом.

Чтобы дождевая вода не заливалась огня. Над вертикальным дымоходом сооружается из дерна труба — для большей тяги.

Вся работа подготовительного характера, не связанная непосредственно с варкой, должна производиться подальше от очага. Около кухни вырывается яма для отбросов и грязной воды. В кухне всегда должно быть чисто и тщательно подметено. Лучше все накопившиеся отбросы скидывать на специально отведенное место. Грязный посуд не место в лагере, иначе разведутся мухи и тогда — прошай покой. Уборная лагеря должна находиться не ближе 150—200 шагов; устраивается ниже того места, где берут воду для питья или где купаются. Канава для уборной делается в 1 метр глубины и 1/2 метра ширины; длина — в зависимости от участников.

Столовая лагеря делается таким образом: вырывается канава, в которую сидящий опускает ноги. На противоположной стороне канавы земля, хорошо уравненная, будет служить столом.

Топор, пила, молоток, гвозди и лопата — самые необходимые предметы лагерного обихода. Они всегда должны быть налицо.

Вечером у входа в палатку разжигается костер; его следует поддерживать всю ночь; дым от костра часто спасает от налетов комаров.

Ежедневная одежда в лагере: трусы для мужчин, трусы и лёгкая кофточка для женщин. На ноги можно ничего не надевать или в крайнем случае — сандалии.

Попробуйте провести нормальный образ жизни: рано вставать и рано ложиться — и вы себя после отдыха не узнаете.

СТОЛОВАЯ В ЛАГЕРЕ — это не что иное, как ровик, на одной стороне которого сидят, а на другой ставят пищу.

ПЕРВОМАЙ

Р. РОМАН: рисунок П. СТАРОНОСОВА

Глава, первая подготовительная

ПРОВЕДЕНИЕ Первого мая мы решили утереть всем нос.

Уже заранее Яшка «полицейский» предвкушал это удовольствие. Перед его мозгами вились изображения полицейских сопротивляющихся аресту. Он видел эти вытянутые рожки «четвертые» носы, он читал и их взоры, зависть. И Яшкино сердце ликовало —

Завсегду получила строакийской на-
каз:

— Чтобы было «на ять» и ориги-
нально. Чтобы затаскости не было.

Завсегду в сумрачном виде бодрую слушали это распоряжение избранной что-то неопределенное и опасливое.

А через неделю был уже готов план,

одобрен Яшкой иступил в силу.

Глава вторая, в которой

Яшка умиялся

КОГДА Яшка в ночь на Первое мая заснул в клубе, то первое, что он увидел, были просушивающиеся на стенах лозунги.

С величайшим удовлетворением он открыл глаза и увидел смешные краски и затейливый и оструминный шрифт.

Он даже прочел их.

И по мере того, как он их читал, глаза его все больше и больше пре-
исполнены умиления.

Лозунги были действительно ори-
гинальны.

1) Комсомольцы — не мещанская
задыри;

долой опущу религию.

2) Капиталисты кричат: ай,

А мы падаем Май.

3) Капиталистам пух в рог.

А мы — рабочий народ.

— Вот это здорово! — сказал Яшка
и стал читать дальше.

Дальше было еще лучше:

4) Май расправляет брови нам, —

Май — замечательная шутовщина

— Вот это мысль, — восторгнулся
Яшка.

5) Мы по миру барабаним Маев;

Всех шапками закидаем.

— Какое чувство перспективы, —

мел политеатровсет.

6) Трепещи, буржуазный нахал!

Май не комар комаха.

— Правильно. Именно не комар, —

сдел ему начинать. Слабо комару.

7) Буржуи лягут в трубу.

Бей барабан борбы.

— Несамостоятельно, поморщились Яшки, и потом — зачем борьба быть?

Она этого не заслужила. Этот лозунг
не пойдет.

Но зато следующий лозунг успо-
коил Яшку:

8) Буржук трепещет, как птичка,

Потому что у нас смачка.

— Вот это хорошо, что крестьянство не забыло. Но... — И тут на лоб Яшки легла трепещущая матушка: неужели нет лозунга о женщины?

Он оглядел вновь все лозунги, уже готов был раздробить язлобным волем, но вдруг из дальнего угла клуба послышались глахи рабочих по трясущимся языках смелый и оркестриальный лозунг:

9) Нашицу Маю весь мир движется;

Празднуйте, женщины и девицы.

Яшка умиялся и успокоенный
пошел спать. Он был совершенно уверен, что тексты и инсценировки
и проч. будут не менее выдержаны
и оригинальны.

Глава, в которой утирают
нос

ПО ПОВОДУ того, что произошло
вчера в 1-го, мы с первым
столпом старому знакомому чита-
телю «Смены» Ваське Шиполину:

То-чай народу за нами ходило—

Точно им плакали за это или би-
леты в кино давали. Ей-бо, хотя
если бы не меня парнишь — я бы сам
попал. Занято до чортя.

Прежде всего нас по ролям рас-
сортчили. У кого ехали в ряле
фразирами виден и сопати на боку,
так тоже под буркум лежали или
ночи. А у кого физика была чистая
и прямая, так те рабочими фи-
гуризали.

И вот, значит, буркум запускали
шпарел, а пролетарии их за шиворот
деркали.

Мяя за шиворот держал Колька
Соплище, так как у него личность
была почче моей и никаких синя-
ков не могло быть. И должны бы-
ли пролетарии через каждых 10
шагов буркум по заднице стукать
и приговаривать:

Мы широкоми в колоний
Пронесли по смету стяг,

Колька за все спрадиана, стояны

Всюду заплатили так.

Мыши, рока, юбка, лонней,
Пронес, линя, смету стяг,
Колька, всетра далью, стояны

Всюду, запада, тали, так.

— Непонятно было, но здорово,
особенно когда мы грохнули произно-
сили «мыши» или «юбка».

Мяя за шиворот держал, как я уже
сказал, Колька Соплище и этот гад
воспользовался своей привилегией.
Другие «мыши» и «юбка» стукали
хорошо и более вида, а этот злодейский Колька прямо, можно
сказать, наслаждался, душеньки от-
водил. Аж голова у меня пухнуть
хотела. Я ему говорю:

— Брось! А он скучает.
Я ему говорю:

— Потиши!
А он — поздоровей.

И тут лопается у меня всяко тер-
пение и стякау я Колыку по сусла
и летят он на маер подшибинчиком
аэроплана в лужу и втыкается в не-
все своей нахальной физикой.

Но самые занятные дела у нас ве-
чом произошли.

Инсенировку мы загрохали та-
кую что нескоро ее публика по-
забудет.

Прежде всего, вышел на площадь
около нашего завода пожарный в
сигнал затрубил. И так он это здо-
рово сделал, что многие несозна-
тельные граждане боркло выносил
стали и орать: горим!

Но вот выступает нам странный
кружок и пальбу открывает. Зади-
вляется тут же умница самое
коренное из публики волнение ис-
пытывают и в растирании при-
ходят. Одни инициалы даже в судо-
рогах падают и командовать начи-
нают:

— Эскадрон! Шашки к бой!

А в это время наш режиссер за-
лезает на крышу дома и орет в са-
моварную трубу:

— Всем! Всем! Ствол! Ствол!
Ствол в машине!

Новая победа капитала!

И вселся за этим выезжают вер-
хом на пролетарии буркумы.

Ну, тут я опять Колыку отыграться
не дал и снова в буркум превратился.

И начиняют тут пролетарии сто-
нать:

— Ой! ой! ой!
Ай ай ай!

Помоги нам Май!

Вот тут очевидно Дядя противно.

А буркум на них орет:

— Не поможет вам Май, шалины.

Не мой вам, а наши!

И раздается барабанищий бой и
запыхивается на ушах зловещий «красный призрак» (он же — Серебря-
коколов). Вид у него зловещий и
который старушки прямо помирать
от ужаса начинают и креститься:

— А «красный призрак» стукает
буркумы пальцем по макушкам и
кость, идущая:

— Это нам не держим в сиропе!
Красный призрак бродит по

— Европе!

И склоняются тут пролетарии бур-
кумы с плеч, стрелковый кружок

палил, как будто Переок берет, по-
жарный трубят, барабан быет, «крас-
ный призрак» (олжно паради на

или по причине мыши) падает на ки-
кую-то и вспыхивает и вспыхивает:

— Чтобы не было нам скверни.

Все под знамя Коминтерна!

Всех буркум уничтожим;

И мы рожки разтворожим.

Ненависти горды морды,

— В морду вмыг получат лорды.

Добываем для народа

Мы желанную свободу,

Вперед,

Народ!

И поднимают «пролетарии» Маньку

Ключину в красном платье и она

взывает:

— Я — свободы

Для народа!

ЯШКИНА оригинальность не была

оценена по достоинству.

Его придрал с песком в рай-

коме.

Но руководитель литературы и до-

чьи под ним отошли и все собираются

выпустить сборник первомайских

материалов, только никак не выберет

название: не то «К первому мая»,

не то «За май», не то «Не за май»,

не то «Первомай»?!